

Ким Болдуин
Ксения Алексу

 *Опасные
любвные
связи*

Элитные оперативники

Ким Болдуин

Опасные любовные связи

«СОЛИД БУК»

Болдуин К.

Опасные любовные связи / К. Болдуин — «СОЛИД БУК»,
— (Элитные оперативники)

Домино – наемник-оперативник из элитного подразделения, где нет места страху перед опасностями. Всю свою жизнь ее обучали бороться с террористами и оставаться незаметной, смешиваясь с праздной толпой. Она опытна и может сыграть любую роль, необходимую для достижения ее цели. Она живет по принципу: цель оправдывает средства. Но ее последнее задание, где она должна исследовать деятельность журналистки по имени Хэйли, окажется настоящей проверкой не только ее навыкам, изобретательности и храбрости, но и преданности. Потому что на сей раз она окажется перед непростым выбором между преданностью своему подразделению и любовью. Первая книга в романтической серии «Элитные оперативники».

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	37
Глава восьмая	39
Глава девятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ким Болдуин, Ксения Алексу
Опасные любовные связи

SolidBiz.ru
тематическое издательство

Издательство SolidBiz.ru издает лесбийские романы, детективы, триллеры, фантастику, научную фантастику, эротику и общую лесбийскую беллетристику.

Пролог

Стамбул, Турция. Двенадцатью годами раньше

Пот стремительными каплями сбегал со лба Домино и застилал глаза едкой пеленой. Уже четыре дня Домино провела в душевной комнате перед завешенным окном с видом на отель, где расположился Хамад Омар Хасан, основатель террористической группировки, которая изрядно досаждала силам США и ООН в его родном Кувейте. Официальные власти уже выследили его, но не доставало формальных оснований для ареста, поэтому Организации Элитных Наемников было дано задание нейтрализовать его.

Несмотря на ужасную усталость, после череды бессонных ночей, она следила за каждым его движением в телескоп. Годы тренировок научили Домино отсекаать любые отвлекающие факторы, которые могли нарушить нормальный ход операции. Это было ее первое боевое задание по разведке наблюдением, поэтому ничто не должно было ускользнуть от ее взгляда. На часах было тысяча четыреста – два часа дня – у Хасана время послеобеденного отдыха. Вот и сейчас он лежал на софе.

Один из его людей стоял у окна, наблюдая за происходящим на улице, – таков был его, часового, ритуал долгостояния.

Домино проследила за его взглядом, устремленным тремя этажами ниже, в сторону стамбульского Большого базара, где сновали туристы, в поисках кошелок и ковриков, цветастых местных тканей изысканного плетения, редких сувениров ручной работы или побрякушек, в изобилии предлагаемых тысячами торговцев и магазинов. Все покрывала пыль, взметенная в воздух шумным полуденным движением.

Напротив отеля остановилась черная Audi, четырехдверная, одна из последних моделей. Она выделялась среди других машин в городе, большинство которых были или ветхими представителями более старших модельных линеек, или роскошными на момент выхода, но уже никуда не годными. Постовой у окна связался с кем-то по мобильному, одновременно продолжая наблюдать за происходящим на улице. Водитель машины, как оказалось, тоже говорил по мобильному. Ну, неужели сукин сын наконец выдвинется из отеля?

Охранник разбудил шефа, еще кто-то из его людей замотал у Хасана на голове тюрбан, такой же черный, как его борода. Если приехавший на машине, не поднимается к Хасану, значит, тот спустится сам. Домино достала сотовый и набрала.

– Занимайте позиции. Кролик вылезает из норы.

Три кувейтца направились к двери.

Она отставила телескоп, потом надела длинное мусульманское платье поверх своей одежды и закрыла лицо хиджабом. Вышла на улицу, села на заднее сидение неприметной, старенькой легковушки, за рулем которой был кто-то из своих, тоже одетый соответствующим образом. Мусульманская женщина не может просто так сесть в машину к западному человеку и не привлечь внимания. Третий наемник ОЭН ехал где-то недалеко впереди.

Домино шла к этому моменту через годы тренировок, боли и отказа от личной жизни. Она должна была держаться в тени, следовать за целью, получать и передавать новые данные об обстановке. Никто не должен был заметить местную женщину.

Они почти час ехали в оживленном потоке, и участвовавший в операции мужчина проклинал необходимость останавливаться перед пешеходными переходами. Домино старалась оставаться сосредоточенной. Они достигли Эсенйюрта, когда позвонил оперативник, находившийся в машине впереди. Хасан вот-вот выйдет.

Они остановились. *Не терять цель!* Она взяла пару прозрачных полиэтиленовых пакетов с фруктами и овощами, вышла из машины, подождала, пока преследуемый поравняется с ней. Улица была забита из-за расположившегося здесь рынка.

У Домино между грудей пробежал ручеек пота. Как женщины, одетые во все это, выдерживают такую жару? *Сконцентрируйся на задании, и ты не почувствуешь жары.*

Как оказалось, *цель* здесь – чтобы сделать покупки. Домино следовала за ним, не обращая внимания на смрад нескончаемой сгущающейся толпы и перезрелых подгнивших фруктов. У одного из прилавков Хасан лениво указал на самый спелый арбуз, который потом нес кто-то из его людей. Они прошли ряд насквозь и свернули в одно из турецких кафе, обещавшее кондиционер, кофе и лукум. Хасан расположился за столиком у большого окна, выходящего на рынок, и стал смотреть на прохожих.

Приятная прохладная тень от колонны ближайшей мечети тоже была выгодной позицией. Оттуда Домино сообщила по мобильному:

– Кафе «Лукум», это в конце рынка. Кролик, похоже, устроился.

Не прошло и десяти минут, как окно кафе разлетелось вдребезги. Кто-то из оперативников ОЭН выстрелил с балкона дома напротив.

Первая пуля пришлась мимо. Один из людей Хасана встал, заслоня босса, и получил вторую в ухо. Кровь плеснула наружу и потекла вниз по шее прежде, чем охранник упал. Как мог наш оперативник промахнуться? *Бывает. Не теряй концентрации.*

Откуда-то слева от Домино прозвучал еще один выстрел, и сотрудник ОЭН грузно упал с балкона прямо на улицу. *Черт, неужели, убит?* Стрелявший выкрикнул что-то на арабском, Домино разобрала только имя Аллаха. *Твою мать. У него еще люди, на улице.*

Теперь Хасан и оставшийся охранник открыли стрельбу изнутри кафе, и, похоже, им было наплевать, скольких они ранят или убьют. Гражданские попадали на землю, закрывая головы руками; люди кричали, рассыпаясь по укрытиям, которыми стали прилавки рынка. Женщина, застреленная у входа в кафе, лежала на пыльном тротуаре, ребенок плакал в ее руках.

Звучали выстрелы, а внимание Домино приковала к себе маленькая девочка, которая никак не могла освободиться из-под мертвого тела матери. Она встанет и окажется прямо в центре всего этого. *Оценить обстановку и предпринять разумные действия.* Их оставалось двое против, бог знает, скольких еще, а у Домино даже не было ствола. Кто-то из людей Хасана поливал огнем другого ОЭНовского оперативника, а девочка направлялась прямо поперек линии огня.

Домино встряхнулась, приводя себя в чувство, и достала нож из голенища сапога. Она бесшумно подкрадывалась к стрелку, убившему их оперативника. Он все еще палил из-за дерева. У Домино зашумело в голове от выброса адреналина, и пульс заглушал даже звуки выстрелов. Ее сердце отбивало такой бешеный ритм, что на секунду ей показалось, оно могло выдать ее.

Ее рука с ножом будет действовать бесшумно и быстро. Домино была уже позади стрелка, она схватила его за волосы и отвела назад голову, точно рассекая сонную артерию. Он рухнул на землю, словно каменный. Уверенным движением она вернула нож в потайной футляр, а МП5, из которого стрелял убитый ею боевик, спрятала под платьем. Домино направилась в сторону кафе – сквозь летящие пули и толпу паникующих горожан.

Еще оставался один оперативник, у которого, скорее всего, уже выходил весь боезапас. И они должны были завершить операцию, она должна была показать себя. *Не сомневаться. Ты можешь. Помни, чему тебя учили.*

И хотя Домино была сконцентрирована на окне кафе, она заметила девочку, стоящую на коленях подле убитой матери, девочка плакала, а над ее головой летели пули. Увиденное подталкивало Домино вперед, наперерез линии огня, мимо турецкой полиции, вязавшей всякого

местного – неважно какой национальности. Она должна была действовать. Немедленно. *Не раздумывай. Будешь раздумывать, закрадутся сомнения. Тот, кто сомневается, едет домой в цинковом ящике.*

Домино, надеясь как можно незаметнее обойти кафе, пробралась к нему сзади. Там она обнаружила окно туалета. Повесив автомат на плечо, она подпрыгнула, ухватилась за верх рамы и подтянулась. Попав в уборную, в нерешительности положила ладонь на ручку двери.

Нет права на провал. Она сделала глубокий вдох, фокусируясь на том, чтобы не допустить до сознания звуки выстрелов за стеной, плач маленькой девочки и крики людей.

Она привела автомат в боевое положение, и ударом распахнула дверь. Хасан и его человек укрывались за перевернутым мраморным столиком и палили во все, что движется. Домино прицелилась из-за угла и спустила курок, затем вышла из укрытия. Она стреляла очередями, пока все не стихло, пока не стало некому ответить ей огнем.

Хасан и его охранник лежали безвольно один на другом, на полу, усеянном гильзами и брызгами крови. Или это был арбуз... или то и другое?

Как в тумане, Домино бросилась к туалету, швырнув автомат, и скинула хиджаб и маскировочную мусульманскую хламиду. Она должна была выглядеть как потерянная и напуганная американская туристка, потому что стрельбу учинили люди в мусульманских одеждах. И если бы такие же были на ней, полиция задержала бы ее раньше, чем Домино прошла рыночный ряд до середины.

Она подтянулась, так же, как когда влезала в окно, и висела на согнутых руках, снаружи, собираясь спрыгнуть, как вдруг какой-то мужчина закричал и указал на нее. Он был метрах в пятнадцати от нее и кричал ей на арабском:

– Ни с места!

«*Antezer kef!*» – это был мужчина в мусульманской одежде и с винтовкой – еще один боевик Хасана.

Чертыхаясь про себя, Домино отпустила руки. И, едва она оказалась с противником лицом к лицу, он выстрелил. Пули угодили в стену в считанных сантиметрах от головы Домино, а она вытащила из голенища нож. Пригнувшись, метнула его.

Не произнося ни слова, смотрели они, оба, как расплзлось алое пятно по груди боевика. Он поднял, было, и направил на Домино винтовку, но в тот же момент осел на землю. Домино подбежала к неподвижному телу и вынула из его груди свой нож. Она хотела заправить волосы за ухо, но замерла, увидев кровь боевика на своей руке – и собственная рука на мгновение показалась ей чужой.

Где-то неподалеку все еще звучали выстрелы. Домино игнорировала шум и происходящее вокруг. Начисто вытерла руки об одежду боевика. Достала мобильный, чтобы связаться с последним уцелевшим оперативником.

– С кроликом покончено, – сказала Домино ничего не выражающим голосом.

Глава первая

Мальта. Наши дни

До рассвета оставалось еще около часа, поэтому на сонных улицах мальтийской столицы, большого портового города, этим июньским утром было пока сравнительно немногочленно. Лишь некоторые занимали свои рабочие места. Конечно, это были пекари, рыночные торговцы, работающие под открытым небом, и рыбаки, вернувшиеся после ночи работы, когда они ставили свои сети, в теплой лазури Средиземного моря. А в соборе Св. Иоанна пятеро священников готовились к воскресной мессе.

Громадный собор XVI века был главной достопримечательностью Валетты, его величественный барочный интерьер, включающий бесценные произведения искусства, привлекал множество туристов, а, вдохновленный им, сам Вальтер Скотт признавался в свое время, что собор Св. Иоанна – самое прекрасное место, из всех, которые ему довелось увидеть.

Старший из сановников прошел по пределам, меняя поставленные в молитве свечи, а потом замер, благоговейно оглядывая высокие стены собора, украшенные витиеватой резьбой по мрамору, и пол, хранивший под собой могилы знаменитых рыцарей. Сгорбленный и почти совсем лысый, если не считать узкой каймы седых волос, протянувшейся от висков к затылку, который он рассеянно поскребывал, падре провел при соборе Св. Иоанна тридцать из своих шестидесяти четырех лет – дольше, чем все остальные.

Он поднял голову, любуясь нефом с фресками, шедевром Маттиа Прети – на сводчатом потолке, прямо поверх ровной штукатурки были написаны сцены из жития Св. Иоанна. На лесах, установленных под одной из сцен, трудилась женщина. Ее усердие и сосредоточенность привлекли внимание святого отца.

Как большинство церковников, он умел слушать – редкий дар среди людей. За свою жизнь он выслушал десятки тысяч кающихся грешников, и ему достало бы мудрости понять, что скрывают они в своих сердцах. Он умел слышать невысказанное, понимать по вздохам и паузам, жестам и малейшим изменениям лица, что человек любит, о чем мечтает, и чего боится, или то, в чем и хотел бы, но не мог признаться.

Но тайна этой молодой американки ему не давалась. Несколько раз ему удалось заговорить с ней – о ее жизни и работе, но она была предельно сдержанна, хоть и неизменно вежлива и даже любезна. Казалось, все ее реплики были подготовлены заранее. Никогда не рождались сами собой, внезапно.

Все, что он узнал, – это что ей 33, она была не замужем, и никогда не знала своих родителей. Она много путешествовала, и любила свою работу, особенно, когда дело касалось храмов. А еще она сказала, что именно в соборе Св. Иоанна работа шла с особой отдачей.

И, конечно, она была увлеченным, способным художником, всегда оказывалась на месте даже раньше самого пастора, и работала без усталости, часто до глубокой ночи. А результаты ее кропотливой работы над соседними сценами были потрясающи.

Но она о многом умалчивала. О самом важном, как ему казалось. Потаенном. Он не мог понять, почему такая привлекательная женщина была так одинока. Мысленно обещая себе вскоре вывести ее на чистую воду, он продолжал приготовления к мессе.

Лука Мэдисон оторвалась от работы, чтобы расстегнуть свой темно-синий комбинезон и вытащить руки из рукавов, которые удобнее держать завязанными на талии. Под спецодеждой у нее были черная водолазка и простые джинсы, наскоро подогнанные под ее рост – метр шестьдесят восемь. Довершали ансамбль разношенные кроссовки. Луку не особенно утруж-

дало многочасовое стояние, день за днем, на лесах. Она была в отличной форме, крепкая и атлетически сложенная, но при этом и не перекаченная. Ее умелые руки привыкли к труду.

Ее длинные темные волосы давно пора было постричь. Она предпочитала прически не длиннее, чем до лопаток, чтобы можно было собрать волосы в хвост, когда работаешь. Но ей не доставало типично женской увлеченности косметикой и уходом за волосами, поэтому в последние недели волосы незаметно отросли значительно длиннее обычного.

Ей нравилось работать в тишине, до рассвета, когда до ее ушей долетали только приглушенные звуки молитв и тихие шаркающие шаги священников, занимавшихся своими делами.

Еще час, и в собор стекутся прихожане, и потом придут туристы, чей шепот сливается в вечный надоедливый «белый шум», нарушающий ее умиротворение. Там, наверху, над лесами, поднимающийся запах горящих свечей, и старых, и новых, делался ужасно резким, а акустика в храме была такой, что Лука могла разобрать целые фрагменты разговоров, звучавших внизу тихо-тихо. С завистью наблюдала она семьи – любящих родителей и терпеливых бабушек с дедушками, которые вели за руки целые цепочки своих малышек, – все это было для нее как воспоминания о том, чего сама она была лишена.

Но этим утром она была одна и абсолютно спокойна. Последние несколько часов Лука работала над реставрацией образа ангела со светло-каштановыми волосами, она возвращала ему блеск, заботливо удаляя свечной нагар и копоть, а также слои работы предыдущего реставратора, и на свет выходила работа автора, такая, какой она была задумана. Оставался один фрагмент – лицо ангела, – оно ждало, когда Лука возьмется за него.

Она проверила, нет ли дырочек в латексных перчатках, а потом потянулась за новой бутылкой цветной известковой воды и осторожно нанесла на рабочий ежик. Она снова подняла его над головой, и приложила средство к мирной улыбке ангела. И чем больше деталей фрески проявлялось, тем больше ее увлекал процесс.

Внезапная вибрация мобильного в кармане отвлекла ее внимание. Лука посмотрела, от кого звонок, и вздохнула. Стараясь говорить тихо, она ответила:

– Утро доброе.

На том конце женский голос с материнской нежностью произнес:

– Привет, дорогая. Это я. Как у тебя там? Работаешь?

– Все хорошо. И, да, я работаю. Ты меня знаешь, всегда начинаю пораньше.

– Вот и славно. Я надеюсь, хоть позавтракать время найдешь?

– Найду, у меня все с собой, тут.

– О, пока я не забыла, зачем звоню! Приходи к нам завтра поужинать?

Она нахмурилась:

– Завтра, говоришь? Эх, если бы пораньше предупредила.

– Спасибо, дорогая, я знала, что ты поймешь, – ответил женский голос так, словно Лука уже согласилась. – О завтраке не забудь! До встречи.

Лука закрыла трубку сотового и еще минуту тоской смотрела на ангела, прежде чем начать собираться.

Балтимор, Мэриленд. Понедельник

Хэйли Вард маневрировала в толпе телевизионщиков, газетчиков и радио-репортеров, пытаясь занять такое место, чтобы оказаться прямо перед глазами знаменитого рэппера, как только он выйдет из дверей студии звукозаписи. Она знала все о том, как добиться успеха, и делала все возможное, чтобы создать Сюжет, с большой буквы. Для этого случая она надела красную блузку, потому что это бы его любимый цвет, и губы накрашила красной помадой.

Она тратила много времени на укладку и макияж, хотя в этом не было необходимости. Красивые родители подарили ей идеальные гены. У Хэйли были пухленькие соблазнительные

губы, улыбка с ямочками – на миллион долларов, ласковые карие глаза, высокие скулы и блестящие светло-каштановые волосы до плеч, с естественным пшенично-золотым отливом.

Хэйли была всего каких-то сто шестьдесят сантиметров ростом, и буквально потерялась бы среди других журналистов, если бы не носила туфли на десятисантиметровом каблучке. Когда ей приходилось брать интервью у представителя сильной половины человечества, она всегда надевала что-то подчеркивающее ее главное достоинство – талию «рюмочкой». Блузки и топики всегда оставляли на животе небольшой зазор, а юбки были достаточно короткими, чтобы открывать вид на ее ножки. Сегодня с красной блузкой она одела угольно-черную юбку и блейзер с туфлями в цвет.

Она выглядела потрясающе, ее невозможно было не заметить. На это она и рассчитывала. В дверях показалась многочисленная свита певца, толпа журналистов пришла в движение, и Хэйли удалось пробиться вперед, оттолкнув корреспондента Entertainment Tonight, как раз в момент, когда появился сам рэппер.

Где-то на северо-западе Колорадо

Лагерь занимал территорию примерно в 25 га, на которых расположились приземистые красно-кирпичные здания – жилые и учебные корпуса, а рядом более крупные строения, где размещались офисы администрации и тренировочные базы. Отдаленное расположение давало лагерю необходимую секретность, недоступность постороннему вмешательству и изучению. Но самым замечательным было расположение вблизи заповедника Веминуч, дававшего возможность практиковаться в любых природных условиях, необходимых для полноценного освоения курса полевой подготовки.

Лагерь выглядел бы, совсем как частная школа, за которую его и выдавали, если бы не беспрецедентные меры безопасности. Высокий забор с колючей проволокой окружал лагерь, повсюду были натканы камеры наблюдения, а знак на КПП гласил: «Проход воспрещен. Вход только по предъявлении соответствующих документов».

Ночью осуществлялся патруль с неравномерными промежутками между обходами территории. В здании администрации, огромном строении, выполненном в неоготическом стиле, со странными звонницами, вызывающими в памяти образ средневекового собора, почти к каждой двери нужен был электронный ключ со сложной кодировкой. Этот комплекс служил домом для Организации Элитных Наемников, специализированной школой, которая в течение пятидесяти шести лет своего существования оставалась все такой же тайной для всего остального мира, как и при ее создании.

Монтгомери Пирс (здесь его все называли «Монти»), глава администрации ОЭН, изучал вновь поступивших учеников, возившихся на громадной игровой площадке, возле общежития младших групп. В жилах Монтгомери текла скандинавская кровь, и кожа его была такой светлой, что покрывалась красными пятнами, если он проводил слишком много времени на солнце, даже в июне. Поэтому он не снял пиджак и выбрал скамейку в тени здания.

Шестеро ребяташек, за которыми он внимательно наблюдал, три мальчика и три девочки в возрасте от четырех до шести лет, были здоровыми и удивительно одаренными детьми. Но, как показывает опыт, половина этого «нового поколения» окажется на воспитании приемных родителей или будут тайно усыновлены по достижении 12 лет, потому что не пройдут отбора, не подойдут по требованиям ОЭН. И только один из всех будет обладать исключительными навыками, необходимыми для того, чтобы он попал в число лучших выпускников школы, ЭТС, что расшифровывается как «Элитные Тактические Силы».

Дэвид Атэр, начальник управления боевой подготовки, бежал к Пирсу со стороны гимнастического зала. Он был одет в сшитую на заказ боевую форму. Как и Пирсу, Атэру было

уже к шестидесяти, но он был поджар, накачен и с уставной короткой стрижкой (вот только волосы были выкрашены в ярко-медный), и издалека его можно было принять за студента.

Хотя Пирс пытался держать вес под контролем, на его тучном теле заметно сказались годы сидячей работы, а на лице навсегда отпечатались морщины от неизменно строгого выражения.

Атэр присел рядом с ним на скамейку:

– Есть кто-нибудь выдающийся?

Пирс указал на темноволосого мальчика на самом верху дугообразного турника:

– Вот этот. Точно. Юркий. Бесстрашный. Он из Украины, – и, указав на девочку, прыгавшую на одном из трамплинов, добавил, – и, может быть, вот она. Из стокгольмского приюта. Исключительно высокий IQ.

– Джоан будет довольна. Кстати о Джоан – вот и она.

Пирс поправил галстук и сел, выпрямив спину.

В Джоан Грант – последней из членов управляющей лагерем тройки, – сложнее всего было узнать некогда статную наемницу ЭТС. Она получила место заведующей учебной части, с тех пор изрядно прибавила в весе. Волосы ее, которые когда-то были черны, как смоль, теперь были совсем седыми.

Только Пирс и Грант вели дела с внешним миром. У них был контакт с клиентами ООН, а также они поддерживали связь с кучей самых влиятельных организаций. Но когда им предстояло решить, как и когда использовать их ценнейшие кадры, Атэр играл такую же важную роль. Чтобы удостовериться в том, что элитные оперативники не подвергаются ненужному риску, как минимум двое из Правящей тройки должны были дать добро на выполнение того или иного задания. Сегодняшнее собрание было посвящено принятию такого решения.

Когда Грант подошла, Пирс и Атэр встали, а потом все вместе они направились к полосе препятствий, разговаривая на ходу.

– Это по поводу дела Гирреро? – спросил Атэр.

– Да, – подтвердил Пирс, – наш человек на Кубе связался с нами в выходные. Гирреро собрался домой, сегодня ночью он выезжает. Мы все еще пытаемся выяснить подробности.

– Этой ночью? – Грант пришлось ускорить шаг, чтобы не отставать от мужчин, – я думала, Аллегро вне доступа до четверга.

– Так и есть. И мы не можем снять ее с задания, – проговорил Пирс, – у нас две недели ушло только на то, чтобы она заняла позицию, чтобы добыть информацию для нашего клиента в Сиэтле. И теперь завтра утром все это будет потеряно?

– Мы не можем послать Марка одного поработать над Гирреро? – зачем-то уточнил Атэр.

– Не можем. Это его первое задание, – Пирс представил себе их недавнего выпускника, Марка Джонсона Санданса, короткостриженого голубоглазого блондина.

– Особенно, учитывая, что обстановка так быстро меняется. Здесь нужен авторитетный и опытный оперативник. Поэтому, как только поступил звонок, я послал за Домино. У нас не так много времени, а в доступе одна она.

– Я ненавижу посылать наших лучших на такие рискованные задания, – сказала Грант, – особенно, когда столько неизвестных. Слишком рискованно – там везде будут копы и журналисты. Нет, должен же быть кто-то другой.

Они проходили мимо бейсбольного поля, где занималась горстка студентов. Вдруг Грант поймала мяч левой рукой прямо перед головой Пирса, шедшего на полшага впереди нее. Если бы не ее отточенные рефлексy, мяч непременно попал бы в Пирса. Реакция Грант удивила бы кого угодно, но здесь никто и глазом не моргнул.

– Я знаю, Джоан, что Домино – твоя слабость, сказал Пирс, – но эта работа слишком важна, чтобы мы могли доверить ее кому-то менее подготовленному, – и сегодня у нас последняя возможность. Я организую прикрытие на случай, если им понадобится.

– Ну, не знаю, – нахмурилась Грант, и замедлила шаг. Мужчины тоже остановились.

– Домино – лучший выбор. Мой голос «за», – заявил Атэр, завершая обсуждение, – Сандансу нужна значительная поддержка. Навыки у него есть, но они пока не проверены. А с Гирреро могут возникнуть непредвиденные сложности. Это напористый и непредсказуемый человек.

Нужно было лишь два голоса. Теперь все трое могли разойтись, Грант и Атэр вернулись в свои офисы, а Пирс достал сотовый, чтобы дать ход всему процессу.

Глава вторая

Пока микроавтобус стоял на светофоре, Домино наредила губы алой помадой, а потом продолжила листать документы в папке, лежавшей у нее на коленях. Водителя по имени Рено, нелюдимого мужичину двадцати с чем-то лет, с блестящими черными волосами, гладко зачесанными назад, Домино знала достаточно неплохо. Гораздо меньше – сидевшую рядом с ней привлекательную латиноамериканку по кличке Сталь.

– Для нас это, конечно, шанс прорыва, что он решил закончить с этим делом, прежде чем отбыть, – сказала ей Сталь. – Уже недалеко до того отеля, где он сейчас. Там все просто со входом-выходом, это не особо оживленное или элитное место. На руку и ему, и нам.

Домино взглянула на цветную фотографию цели. Официально Хуан Карлос Гирреро был министром культуры и информации Кубы и имел посольскую неприкосновенность, однако ОЭНовцам был известен как главная шишка кубинской наркоторговли. Ничего удивительного, что его приказали ликвидировать: Гирреро пекся только о своих интересах и слыл бесчестным диктатором, готовым заставить своих оппонентов замолчать. Он убивал и сажал без колебаний. Большая удача, что его самонадеянность дала ОЭНовцам возможность перехватить его с меньшим риском, чем в международном аэропорту Майами.

В течение пяти дней Гирреро за чуть ли не крепостной стеной особняка в Майами, принадлежащего его сестре, вел свои кокаиновые дела, лежа у бассейна, перед глазами своей одиннадцатилетней племянницы, но недостижимый для пытливых взоров и любых помех. И то, что он решился устроить окончательную сделку в отеле, говорило о его запредельной жадности и чувстве неуязвимости.

– Санданс уже на месте, но ему приказано дожидаться тебя, – сказала Сталь, когда Домино стала рассматривать кое-как набросанный план этажа, отложив в сторону фото Гирреро и досье на него.

– Они в холле. Здесь четыре входа и выхода, лифты и вот здесь лестницы... – Сталь указала кончиком изысканно наманикюренного ногтя, – по ним можно попасть на все этажи и подземную парковку. Сюда – к главному вестибюлю и рецепции... а сюда – к запасным пожарным выходам и на улицу.

– Скоро будем на месте, – предупредил Рено.

Домино установила себе в правое ухо малюсенькое беспроводное устройство (приемник и передатчик в одном), проверила, чтобы оно прилегало поплотнее, и поправила свои длинные светлые волосы, чтобы закрыть ухо.

Сталь протянула ей небольшую черную сумочку, довершавшую образ.

– Гирреро привезли в черном Мерседесе. Машина сейчас на подземной стоянке. Из двух, сопровождающих Гирреро людей, водитель – тот, что пониже.

– Там камеры есть? – спросила Домино.

– Да, – ответила Сталь. – Над каждым выходом, в вестибюле и на парковке.

– Мы на месте, – объявил Рено, и остановил минивэн.

Пока они ехали, на город опустилась тьма, а они были в неосвещенном безлюдном переулке, вдаль от потока машин. Домино вышла из микроавтобуса и, подождав, пока он отъедет на приличное расстояние, направилась к ближайшей стоянке такси. Отель был в паре кварталов отсюда, и она рассчитывала оказаться в вестибюле через десять минут.

Обстановку внутри и всех посетителей Домино оценила за считанные секунды.

Как она и ожидала, свет был приглушен, зал был оформлен в темных тонах в Карибском стиле. Казалось, в Майами такой интерьер – в баре каждого придорожного отеля: под вздымающимися к потолку пальмами в кадках стояли тут и там круглые столы, черные и приземистые, в окружении пухлых тауретов и темно-бордовых диванчиков, под цвет ковра. Притаившийся

в углу рояль своим скромным видом намекал на то, что по выходным здесь была живая музыка. У зеркальной задней стены протянулись отраженные четыре ряда подсвеченных сверху бутылок с разноцветным содержимым.

Это было ничем не примечательное место, напрасно притязавшее на стиль и вкус, но здесь было по-своему уютно, а тихая латиноамериканская музыка создавала приятную атмосферу, в которой бизнесмены могли спокойно обговорить дела, а туристы – отдохнуть со стаканчиком какого-нибудь фруктового или кокосового коктейля. Вечер еще только начинался, и заняты были лишь немногие столики.

Гирреро был сзади и слева от нее, он сидел напротив своего партнера, а по бокам от него расположились охранник и водитель. Четверо мужчин в деловых костюмах, говорящие достаточно тихо, чтобы их невозможно было подслушать. Домино знала, что охранник будет следить за всеми вновь вошедшими, поэтому она позволила своему цепкому взгляду лишь скользнуть по Гирреро и его спутникам, избегая прямого визуального контакта.

Недалеко от них расположилась парочка латиносов, – единственные местные в зале, – они были слишком заняты друг другом, чтобы заметить что-либо вокруг. За другими двумя столиками сидел туристы – молодая японская пара справа от Домино и, чуть подалеже, утомленная пара средних лет с красными обожженными лицами – похоже, они слишком беспечно отнеслись к южному солнцу Флориды, жаркому даже в апреле.

Санданс сидел за столиком возле одинокого рояля, тербил кружку пива и листал спортивную газету. Он выглядел именно так, как на фотографии, которую ей показывали, – голубоглазый блондин, вот только изрядно загореть успел. Одетый во что-то неприметно-повседневное, он был похож на студента во время весенних каникул, которому нечем заняться, пока не пришли друзья.

Позади Санданса торчал за стойкой бармен с детским личиком, одетый в черные брюки с белой рубашкой и жилетку. Бордовую, все того же цвета, что и ковер. Бармен наблюдал за всеми посетителями и лениво протирал бокалы.

Домино услышала в наушнике голос Стали, она знала, Санданс тоже ее слышит:

– Домино, позови официанта и закажи имбирный эль, если все в порядке.

Она прошла зал насквозь, до самого дальнего столика, где была наиболее удобная точка для наблюдения, и отметила, глянув в зеркало за стойкой, что ее вид как нельзя лучше подходит для ситуации и для задания. Простое платье темно-синего цвета было стильным и более чем уместным, она привлекала внимание, не показывая «слишком много тела» – подол чуть-чуть выше колена, а V-образный вырез скромный, неглубокий. Туфли в цвет были на модном, достаточно высоком каблуке, но не слишком, – Домино смогла бы быстро на них передвигаться, если это понадобится.

Удобно устроившись на диванчике, она положила сумочку на соседний стул и подозвала бармена, довольная тем, что все шло именно так, как она себе представляла.

– Чего изволите? – спросил он.

– Имбирный эль, пожалуйста, – произнесла Домино достаточно громко, чтобы Санданс ее услышал.

В правом ухе она снова услышала голос Стали:

– Санданс, когда даме принесут ее напиток, кашляни.

Бармен с детским личиком принес заказанный эль, и, когда он поставил его напротив Домино, Санданс, как полагалось, кашлянул.

Домино повернулась к нему, незаметно подтверждая контакт. Санданса она слышала только здесь-и-сейчас, не через наушник. Когда их взгляды встретились, она ощутила смутное недовольство, увидев, как выражение облегчения нарисовалось на его лице. Когда-то она и сама была салагой, и нервничала, но в большей мере переживала за то, что ей необходимо было показать себя. И именно об этом должен был думать Санданс.

– Продолжаем, согласно плану, – сказала Сталь им обоим.
Началась игра в ожидание.

Санданс снова уставился в свою газету, а Домино начала разыгрывать «я-кое-кого-жду-но-он-опаздывает», на случай, если ею кто-то заинтересуется. Она взглянула на часы, поболтала эль в бокале, вела себя как скупающая дама, незаметно следя за Гирреро и его людьми.

Охранник-кубинец был бдительным громилой. От него не ускользало ничто, и он часто кидал на Домино внимательные взгляды. Водитель Гирреро был на голову ниже, и разве что немного уже в плечах. Блондин, с которым у Гирреро была встреча, выглядел как самый обычный бизнесмен: его синий костюм был опрятен и строг, полуботинки до блеска начищены. При нем был кожаный дипломат.

Спустя двадцать минут ожидания, когда бармен подошел к ней спросить, не желает ли она чего-нибудь еще, Домино ответила (удостоверившись, что ее слова услышат за столиком Гирреро):

– Да, конечно, повторите. И, посмотрите, пожалуйста, не придет ли мой бой-френд, и скажите мне, если он придет. Он где-то метр восемьдесят, короткие темные волосы, в общем, симпатичный... – она снова взглянула на часы, – если он скоро не появится, у меня будут проблемы.

Бармен засмеялся:

– Не вопрос.

Прошло еще десять минут ожидания, она достала из сумочки мобильный и сделала вид, что кому-то звонит, выясняет, где может быть ее бой-френд.

Еще 20 минут ожидания, и блондин, с которым вел дела Гирреро, начал собираться, а охранники попросили у бармена счет.

Боковым зрением Домино следила за тем, как Санданс поднялся, сложил газету, потом достал бумажник, чтобы заплатить чаевые. Он тянул время до момента, когда цель тоже встанет и будет готова выходить. Домино видела, как дрожат руки парня. Беспокойство ее нарастало.

Как только Гирреро и его головорезы направились к лифтам, Санданс тоже пошел туда, причем впереди них. Бизнесмен свернул в другую сторону, к вестибюлю.

Домино буквально заставляла себя оставаться на месте, наблюдая, как четверо мужчин ждут лифта. Задачей Санданса было любой ценой держаться как можно ближе к цели. Домино рассудила, что все они должны были направляться на подземную парковку, ведь она знала, что там стоит машина Гирреро, которая должна доставить его в аэропорт.

И действительно, когда пришел лифт, она заметила, что на индикаторе загорелась стрелка вниз.

Как только двери лифта закрылись, Домино встала и быстро направилась к бару, заплатила за эль.

– И если он все-таки тут появится, – сказала она дерзко, – передай ему, что может катиться к черту, ладно?

Пока Домино спускалась по лестнице, голос, звучавший в ее ухе, проговорил с тревожным повышением: «Домино, они его, кажется, раскусили».

Глава третья

Санданс изо всех сил пытался собраться, оставаться сконцентрированным на том, чему его учили. Но он вспотел и, это не осталось незамеченным для охранника.

Внезапная перемена плана выводила его из себя, и, хотя это было куда лучше, чем выходить на первое задание в аэропорту Майами, где он хотя бы помнил, что где расположено. В отеле же слишком многое было неизвестным. И он уж никак не ожидал, что придется ехать в лифте с тем, кого он собирался убить, и головорезами, которым приказано сделать все, чтобы этого не допустить.

До нынешнего момента все шло хорошо.

Он прошел спокойно до лифта, нажал кнопку вызова, нажал «вниз», будучи уверенным, что и Гирреро тоже туда. Чтобы соответствовать заданной легенде, он демонстративно посомневался, какую кнопку нажать, и, прежде чем ткнуть белую, круглую, с буквой «Р» – «парковка», он даже спросил у троих вошедших в лифт:

– Какой этаж?

И тут последовал первый намек на то, что его раскрыли.

Охранник внимательно его оглядел, потом кинул долгий взгляд на панель управления и протянул:

– Мы хорошие.

Ситуация развивалась дальше, когда телохранитель встал позади Санданса и, когда тот оглянулся, намеренно отвернул полу пиджака, демонстрируя внушительный ствол.

Охранник был огромным и угрожающим.

– *Que pasa*, дружище, какие проблемы? – спросил он с вызовом.

Пот бежал у Санданса между лопаток.

– Да никаких, – сказал он, едва подобрав самые нейтральные слова для такой ситуации.

Лифт остановился, и на какое-то мгновение оперативник засомневался, дать ли Гирреро и его мордоротам выйти первыми и направиться к машине. К его ужасу, телохранитель положил ладонь на рукоять пистолета, оттопырив полу пиджака. Угроза.

Чтобы еще больше все запутать, эти трое не повернули, как Санданс ожидал, налево, где их ждал Мерседес, а пошли прямо, вдоль центрального парковочного ряда. Выбора не оставалось. Он должен был следовать за ними, но делать это так скрытно, как ему бы хотелось, он не мог.

Да пошло оно все, подумал он, и вышел вслед за ними из лифта.

Домино бесшумно открыла дверь, ведущую на парковку, надев тончайшие латексные перчатки, которые только что на бегу достала из сумки. Прислушалась. Приглушенные голоса, разговор на испанском, шаги, – все эти звуки удалялись от нее, поэтому Домино, прячась за колоннами, стала пробираться вслед за ними, чтобы выяснить обстановку.

Гирреро и его люди шли вдоль центрального парковочного ряда, Санданс шел за ними, где-то в пяти метрах. Самое время стрелять.

Домино двигалась в том же направлении, стараясь не отставать и прятаться за рядом машин. Мысленно она твердила Сандансу:

– Давай, стреляй! У тебя такого шанса больше не будет.

Но она видела, сколь сильно его сомнение, и чувствовала, что они вот-вот упустят возможность... Вместо мерса-внедорожника трое кубинцев направились к черному седану. Вот сейчас они сядут в него и направятся к аэропорту.

Санданс держал руку на рукоятке своего пистолета, но не вынимал его. Гирреро был в паре метров от машины. А Домино на позиции, идеальной для выстрела.

Она достала Глок 33, полуавтомат с магазином на девять зарядов, из кобуры на бедре и тихо проговорила тем, кто слушал ее через микроприемник:

– Он не справится, а я на расстоянии выстрела. Скажите ему, чтобы пригнулся.

Она подняла руку, чтобы стрелять, сконцентрировалась на цели, а голос Стали передал ее предупреждение:

– Санданс, пригнись!

Ее первый выстрел пришелся в висок Гирреро. Мужчина скорчился, падая.

Оба охранника развернулись, одновременно доставая оружие. Санданс же двигался слишком медленно, и, конечно, мордovorоты подумали, что это он стрелял, в то время как Домино укрылась за одной из машин. Вторым выстрелом она сняла водителя, но в этот момент телохранитель схватил Санданса за лацканы и прикрывшись им, как живым щитом.

Он заметил Домино, но было слишком поздно, она уже спустила курок в третий раз. Пуля хищно вгрызлась в висок мордovorота, и он упал, как его босс.

Домино поспешила к своей цели и всадила Гирреро еще одну пулю, в голову, хотя лужа крови, расплзшаяся под ним и означала, что это было лишним.

– Цель обезврежена, – сообщила Домино в передатчик, – все лежат. И Санданс тоже. Какой кошмар тут...

Ключи от машины, на которой они должны были уехать, находились у Санданса. Домино подошла к нему, пригнувшись.

На груди у него стремительно распухал кровавый цветок, прямо у сердца. Марк заглянул ей в глаза и схватил ее за руку слабеющими пальцами:

– Не... не оставляй меня.

– Я здесь.

– Я все испортил, да? Господи, как они меня... – он хотел было сесть, но силы оставили его. Домино смотрела на него, лежащего на бетоне, в луже крови, собственной крови. Его пальцы разжались, выпуская руку Домино.

Она стиснула его кисть и прошептала:

– Ты все сделал правильно.

Его глаза застыли, а дыхание стало неглубоким.

– Домино, ты тут?

– Да, – она снова сжала его руку.

– Я устал. Холодно. Нужно... – прошептал Санданс едва слышно и замер.

Домино обыскала его карманы и достала ключи, но когда она нащупывала микропередатчик, она услышала рев мотора – на парковку с большой скоростью въехала машина. Домино спряталась за ближайшей из припаркованных легковушек, и в этот момент джип, резко тормозя с оглушительным звуком, выехал из-за крутого стояночного поворота. Взору водителя представились три тела, преграждающие путь, и четвертое, немного в отдалении.

Передние двери джипа открылись, и показались двое – судя по виду, туристы, средних лет. Один осмотрел тела, другой, более осторожный, оглядывался вокруг в поисках учинившего все это. Женщина в салоне джипа начала визжать.

Домино никак не могла подобраться к ОЭНовской машине, не обнаружив себя. И потом, джип перекрыл единственный выезд. Домино поспешила обратно, к лестнице, пригибаясь, стараясь остаться незамеченной.

– Где тут еще один выход? – прошептала она в передатчик.

– Давай снова по лестнице. Одним этажом выше, – ответили ей в ухо, но на этот раз говорил Рено, а не Сталь.

Домино заметила камеру над дверью, ведущей на лестницу, и опустила голову, скрывая лицо. Камера была слишком высоко, чтобы с ней можно было что-то сделать, да и времени не оставалось.

– Там решетка вентиляционной системы, на лестнице, над парковкой. Отвертка у тебя в сумочке, – сказал Рено, пока она бежала вверх, перепрыгивая через ступеньки.

Маленькая отвертка на батарейках работала быстро, но оставалось еще два болта, удерживавших решетку, когда Домино услышала стремительно приближающиеся шаги и голоса, откуда-то сверху. Она не могла разобрать слов, была слишком взволнована. Скорее всего, это была охрана отеля.

Насколько могла быстро, она открутила оставшиеся болты и тихо пролезла в узкий проход, потом приложила на место решетку, в надежде, что в таком положении она пробудет достаточно долго, чтобы Домино успела унести ноги. Хорошо, что кто-то предусмотрительный оборудовал вентиляционный ход скобочкой, на которой держалась съемная внешняя панель с решеткой.

Домино было слишком тесно для маневров в этой ужасной трубе, но ей случалось попадать в места и похуже. Она пробралась до более широкого участка, где трубы соединялись. Вентиляционные ходы вели отсюда вперед, влево, вправо и вверх.

– Я в вентиляции, у первой развилки, – шепотом сообщила она Рено. – Куда?

– Давай вперед, потом вверх, – ответил он, – потом еще чуть-чуть вперед. Там будет женский туалет в мезонине. Сталь сейчас там, откручивает решетку, чтобы выпустить тебя.

Домино проползла до следующей развилки, потом в трубу, которая вела вверх. У нее не было особенно времени на переодевание, но она запихнула парик в сумочку и сняла туфли: с босыми ногами удобнее было пробираться вверх по скользкой поверхности внутри вентиляционной системы.

Домино встала враспор, согнув колени и упершись одновременно подошвами и поясницей в противоположные стенки вентиляции, и боролась за каждую пядь пути вверх. На подъем она не потратила и трех минут. Оказавшись на уровне выше, Домино добралась до уборной. Сквозь решетку она видела, что Сталь прихорашивается перед зеркалом.

Домино оставалась, где была, выжидая.

Вскоре раздался звук смыва, и молодая женщина вышла из кабинки, встала у раковин, там же, где Сталь, и стала мыть руки. Как только женщина вышла, Сталь вытащила отвертку и поспешила к решетке вентиляции.

– От главной двери налево, – прошептала Сталь, выкрутив последний шуруп и подняв решетку.

– Так. Иди.

Домино вбежала в одну из кабинок и быстро вошла в приготовленную для нее сменную одежду. Когда она вышла через пару минут, на ней были короткие шортики, футболка и кроссовки. Все остальное было спрятано в маленьком красном нейлоновом рюкзаке, небрежно повешенном на одно плечо. Она на минутку остановилась у зеркала – расчесать каштановые волосы и стереть мокрым бумажным полотенцем румяна и красную помаду. Потом Домино вынула контактные линзы коричневого цвета. Вновь на нее смотрели из зеркала ее собственные, знакомые серо-голубые глаза.

Она оказалась в мезонине, выходящем в вестибюль, полный людей: спящих сотрудников отеля, обеспокоенных постояльцев и копов, которые, как заведенные, шныряли к месту преступления и обратно.

Домино, как ни в чем не бывало, прошла через холл, словно она одна из постояльцев, и ей предстоит совершить в городе покупки или посмотреть достопримечательности. Выйдя из отеля, она повернула налево, и, не успев ступить и шага, как в наушнике прозвучал голос Рено:

– На углу направо, Домино. Пройдешь полквартиры до переулка, где кафе «Starbucks». Мы подберем тебя там.

Глава четвертая

– Так, господин сенатор, не мешало бы поменять очки. А еще подкрасить волосы, придать им оттенок потемнее и с каким-нибудь переливом.

Сенатор Терренс Барроус нанял имиджмейкера задолго до того, как решил баллотироваться в президенты, поэтому теперь ему необходимы были лишь кое-какие штрихи для того, чтобы выглядеть наиболее фотогенично. Пересаженные волосы, густые, каштановые, отлично лежали; глубокий пилинг устранил следы хронических угрей на лице, а все его костюмы были пошиты на заказ.

– Сегодня утром позвони моей помощнице, – сказал он имиджмейкеру, – и пусть назначит все встречи. Спасибо, Сет.

Когда тот повесил трубку, Терренс потянулся к пульту и включил CNN. Он хотел посмотреть их сюжет об электроэнергетике, потому что давал для него интервью. И хотя все остальные сотрудники уже разошлись по домам, он все еще сидел в своем кабинете, на Капитолийском холме, заканчивая с невыясненными вопросами.

Когда CNN прервали обычное вещание срочным выпуском новостей, где говорилось об убийстве Гирреро, Терренс прибавил громкость, но не придал сюжету особого внимания.

Только когда два часа спустя ему позвонил глава ОЭН, Монтгомери Пирс, застав сенатора отмокающим в ванне, Терренс понял, в какой мере вся его дальнейшая политическая карьера зависела от «неудачи» Гирреро.

Он уже начинал расстраиваться из-за того, как возрастали запросы ОЭН. Джоан Грант, еще один представитель руководства Организации, звонила ему на прошлой неделе, ей нужна была важная информация о предстоящем визите китайской дипломатической делегации.

– У меня пока нет информации по Китаю, – сказал он Пирсу, сразу после того, как представился, – это займет какое-то время.

– Я, собственно, звоню по другому поводу, – ответил Пирс, – полиция Майами располагает записью с камер наблюдения из отеля, где убили Гирреро. Нам нужно чтобы ты приложил руку к ее исчезновению. Желательно сегодня, пока они не отвезли ее в лабораторию и не провели исследование. Да, и копии тоже, если таковые имеются.

– Ты рехнулся? – сенатор сел в ванне так резко, что вода плеснула через край, – ты вообще понимаешь, о чем просишь? Я не могу это сделать. И я *не буду* делать этого. У тебя нет людей, кто мог бы заняться такими вещами?

– Есть, конечно, – терпеливо ответил Пирс. – Такие люди, как ты.

Сенатор заставил себя удержаться от ответа, о котором он мог потом пожалеть:

– Как ты представляешь, чтобы я это сделал, не подставив себя под удар?

– Я не знаю. Мне все равно, – сказал Пирс. – Сделай это. Как можно скорее.

Связь оборвалась.

Терренс закрыл сотовый и выругался. Его безмятежность испарилась. Он вылез из ванной и накинул махровый халат цвета бургунд, да так сильно затянул пояс от раздражения, что вынужден был немедленно ослабить его. Оставляя на паласе мокрые следы, он босиком прошел через холл в спальню. Его жена Диана, шикарная блондинка, бывшая Мисс Коннектикут, читала в постели.

– У меня появились неотложные дела, дорогая. Ложись спать, не дожидайся меня, – сказал он, одарив супругу великолепной улыбкой (спасибо косметической хирургии и стоматологам).

Семья Барроусов (Терренс, его жена и двое сыновей, близнецы шести лет, Эндрю и Остин) жила в приличествующем высокопоставленному лицу особняке в тюдоровском стиле в пригороде Вирджинии. Громадина общей площадью около 650 кв. м вмещала шесть спа-

лен, пять санузлов, бассейн, сауну, тренажерный зал и прочую роскошь. Но Терренс проводил почти все свое время в одной комнате – это было просторное строго оформленное помещение на втором этаже – его личная территория, частично – офис, частично – домашний кабинет. Кроме письменного стола и книжных стеллажей он пожелал иметь там огромный плазменный телевизор, камин – для уюта, хорошо оснащенный минибар и кожаный диван, на котором он (будучи свыше 180 см ростом) мог вольготно расположиться, если нуждался в отдыхе. Огромные панорамные окна, открывали вид на его «угодья».

Щелкая по каналам, он вновь дошел до CNN, налил себе виски и стал раздумывать о том, как удовлетворить требования Пирса. Тем временем, по ТВ передавали уже в который раз дополненный сюжет о Гирреро:

– Глава полиции Майами подтверждает, что камеры наблюдения отеля зафиксировали произошедшее сегодня вечером убийство кубинского министра информации Х.К. Гирреро, – докладывал ведущий новостей. – Глава полиции Маркус Томпсон сказал, что запись перестрелки и собранные на месте происшествия улики показывают, что убийство явилось результатом точно спланированной акции, в которой принимали участие, по меньшей мере, двое – мужчина, личность которого до сих пор не установлена, и который был убит в ходе перестрелки, и женщина, которой удалось скрыться через систему вентиляции. Господин Томпсон сообщил, что стрельбу вела, скорее всего, именно она. Подозреваемый – мужчина, как сообщается, был убит людьми Гирреро. О том, будет ли запись доступна СМИ, сейчас сказать невозможно.

Терренс знал, что у Пирса всегда были отлично подготовленные женщины-оперативники. Он должен был догадаться, что акция была проведена ОЭН.

Пирс просил Барроуса об одолжениях неоднократно, но никогда дело не касалось вещей столь рискованных. Однако эта тенденция начинала его раздражать. Организация продолжала выжимать из него все возможное, хотя по своим счетам он давно заплатил сполна.

Он пытался отделаться от них. Напряг все свои связи в ЦРУ и ФБР, в секретных службах, пытаясь откопать что-то, чем можно было бы шантажировать Пирса. Терренс был значительной фигурой, и у него были соответствующие друзья, некоторые из которых регулярно прибегали к помощи изворотливых ОЭН. Но даже среди них немногие знали об Организации что-либо, кроме того, что наемники способны на многое, а выследить их руководство по номеру мобильного невозможно. Сам Барроус знал только, что номер зарегистрирован где-то в Колорадо.

Потом его осенило: звонок Пирса мог означать, что ситуация вышла из-под контроля ОЭН, и тут их можно было «прижать».

Он медленно допил виски, просчитывая возможности. Никакого плана у него не было. И в ближайшие часы ни у кого не будет доступа к пленке, это уже точно: там везде полиция.

Пирс был прав относительно одной вещи: сенатор Терренс Барроус знал, где получить информацию и как повернуть любое, казалось бы, невозможное дело.

Когда он обратился в ОЭН, чтобы те проделали для него кое-какую грязную работенку, он был наивен, он был еще никем. Теперь все было иначе. Сейчас у него были свои контакты кое с кем, кто мог «сделать-что-угодно-с-кем-угодно». Джеки. Этому человеку удавалось справляться со всеми делами сенатора быстро и ловко, не требуя того, что требовали ОЭН. Терренс по памяти набрал номер, и на третий гудок подняли трубку.

– Джеки, это я, – проговорил Терренс, – у полиции Майами пленка с записью убийства Хуана Карлоса Гирреро. Добудь мне ее, пока до нее не добрались их гении от высоких технологий. И разузнай, не наделали ли они копий.

– В принципе, выполнимо. Но дорого.

– Цена меня не волнует. Сделай поскорее.

– Ясно, – и связь оборвалась.

Барроус налил себе еще виски и уставился в окно. Звездная ночь над городом.

Через час у него был план. И пленка должна будет сыграть в нем не последнюю роль.

Как минимум, эти козлы из ОЭН отвяжутся от него на какое-то время. Им придется заметать следы. И они будут думать, что он рисковал, делал все возможное, чтобы выполнить то, что от него требовали.

А при хорошем раскладе, сработай его сценарий, все связи с ОЭН будут оборваны.

Все, что сейчас было нужно, – это помощь правильных людей. Это должен быть кто-то... с такими же амбициями, жаждой власти, как у него, с таким же стремлением к успеху – любой ценой. Кто-то готовый рисковать.

Решение пришло к нему само собой. Та удивительная женщина, которую он встретил незадолго до приезда в Вашингтон. Она была бы идеальным вариантом.

Домино вернулась домой – в свою квартиру. Она хотела принять душ, понежиться под тугими горячими струями, отдохнуть после работы. У нее не было телевизора, поэтому о пресс-конференции с главой полиции Майами она не знала, пока десять минут спустя ей не позвонили из ОЭН. Сам факт существования записи ее, конечно, не удивил, но она хотела знать, что именно зафиксировали камеры. Как бы там ни было, с пленкой следовало разобраться. И хотя задание было выполнено кошмарно, она свое дело сделала.

Когда еще совсем ребенком она выбирала себе кодовое имя в академии ОЭН, одногруппники посмеивались над ней, думая, что она собралась подражать знаменитой одноименной героине Марвеловских комиксов, наемнице-мутантке со сверхъестественными силами, помогавшими ей справиться с любой, даже самой опасной, ситуацией.

И хотя, по ее задумке, имя происходило от обычных игральные костяшек, иногда (например, сейчас), Домино думала, что ей бы не помешали кое-какие силы героини комиксов, если бы только это гарантировало, что удача будет на ее стороне.

Любимая музыка помогала расслабиться, но Домино была на взводе, и не могла уснуть. Поэтому она взялась за новую постройку, аккуратно выложив доминошки на безукоризненно гладком паркете из твердых пород дерева.

Домино жила в этой просторной квартире на окраине Вашингтона уже шесть лет, хотя и приходилось часто уезжать по работе. Кроме книг и компактв, там было мало личных вещей, и всюду царила такая строгость и простота, что казалось, хозяйка только-только переехала на новое место. Никаких картин или постеров на безукоризненно-белых стенах, никаких журналов на журнальном столике.

Вообще-то, Домино не хватало уюта, а некоторые места, которые она посетила, она хотела бы украсть у вечности, запечатлев на пленке. Куда только ни забрасывали ее задания, и хотя она была «при исполнении», каждую свободную минуту Домино посвящала созерцанию красот окружающих ландшафтов.

Ради работы она могла отключить все эмоции, а могла отключиться от работы ради пары минут умиротворения. Только поражение, не обернувшееся никакими последствиями, могло дать ей такие ощущения. Как в церкви. Или в храме. Но щелканье затвором между заданиями было ей недоступно. Первое правило – никаких свидетельств того, что ты была там-то и там-то.

В спальне у нее были шкаф, стол и ...матрас на сдвинутых вместе ящиках. Диван в гостиной стоял напротив огромного, во всю стену, окна с видом на город. В кухне – только холодильник и раковина: Домино никогда не готовила. Во всей квартире – только одно зеркало – и то в аптечке. Минилампы с изменяемым направлением освещения льют мягкий приглушенный свет.

Повсюду – высокие стеллажи, от пола до потолка, уставленные книгами. В сиди-ченджере ее проигрывателя последней модели – побывали сотни интереснейших дисков, в ее руках побывали тысячи книг – Домино постоянно училась. Читала она не для удовольствия, а ради новых

знаний, и в ее библиотеке преобладали издания серьезной литературы. Здесь были книги из разных областей науки – социологии, психологии, фотографии и проч.

Минималистично оформленное жилище во многом отражало ее суть, но, главное, предоставляло достаточно места для того, чтобы расставлять *домино*, впрочем, она никогда это так не называла. «Костяшки», – именно так, на жаргоне игроков.

Четыреста тридцать семь штук составляли на полу причудливую фигуру. Незадолго до рассвета Домино снова позвонили из ОЭН и сообщили, что единственный экземпляр записи убийства Гирреро исчез из отделения полиции Майами.

Домино было приказано оставаться на связи и не выезжать из города.

Вторник

На часах было четыре утра. Терренс Барроус спал на диване в своем кабинете, когда ему первый раз перезвонили и сказали, что пленка получена, находится в надежных руках, и ему остается только отдать дальнейшие приказания. Все обошлось ему в десять тысяч долларов. Он поблагодарил Джеки и объяснил новое задание. На это ушло около сорока минут.

– Мы ее нашли, – ответ Джеки звучал сухо. – Информацию по факсу сейчас передать?

– Да, отлично, – он задержал звонок Джеки, пока сканировал документы. Под заголовком «Личные данные» значилось:

Возраст: 29

Рост: 162 см

Цвет волос: золотисто-каштановый

Цвет глаз: карие

Не замужем. Живет одна в двухкомнатной квартире. Ниже приведен адрес. Американка шотландского происхождения. Оба родителя живы. Мать занимается благотворительностью, отец банкир на пенсии. Один брат, Тед, сорок семь лет, сержант Армии США, женат, двое детей. Одна сестра, Клодетт, тридцать четыре, не работает, замужем, тоже двое детей. Имена и адреса членов семьи даны ниже.

Следующий раздел был посвящен образованию и карьере. Закончила школу медсестер, работала в больнице в Балтиморе два года, потом поступила в университет, получила диплом журналиста, несколько месяцев работала на мелкую еженедельную газетенку, а два года назад устроилась в *Baltimore Dispatch*, и работает там по сей день.

– Отлично, Джеки, – Терренс выключил факс и потянулся к записке, сделанной от руки. – Так, теперь отправь пленку на ее домашний адрес, и приложи следующий текст, я тебе сейчас продиктую... Доставь запись на место как можно скорее, но удостоверься, чтобы никто не узнал, от кого посылка.

Ему было безразлично, докопаются ли ОЭН до того, что пленка была у Хэйли, это только усилило бы их паранойю. Но он должен был быть уверен, что его собственная причастность к этому не раскроется.

– Да, конечно. Все будет по телефону.

– Отлично. Так, вот, что нужно будет написать, – он собирался сжечь свой рукописный текст сразу, как только повесит трубку. – Все понятно?

– Да. Что-нибудь еще?

– Пока нет. Я дам тебе знать.

Когда он закончил с Джеки, было уже 5 утра. Он понимал, власти Майами узнают, что пленка пропала, когда дневная смена заступит на дежурство, поэтому он позвонил Пирсу немедленно. Терренс должен был связаться с ним, пока СМИ не пронюхали о случившемся.

– Я звоню по поводу пленки, – сказал он, когда Пирс поднял трубку.

– Угу, – вяло ответил Пирс.

– Меня кто-то опередил, – солгал Терренс, – я пытался ее достать, сразу, как только ты позвонил мне, но мой человек не смог подобраться к ней. Следователи, которые ведут дело, постоянно ее гоняли. Потом он сунулся еще раз, через какое-то время, а пленки уже не было.

– Проклятье! – внезапно Пирс стал звучать куда бодрее. – Что-нибудь еще? Может, копии?

– Мой человек сказал, не было ни одной. Это все, что я знаю.

– Ладно. Я свяжусь с тобой, если мне понадобится что-то еще, – сказал Пирс прежде, чем повесить трубку.

Терренс выключил телефон, а потом стал разминать себе шею сзади, где, казалось, что-то защемило. Пирс никогда не упускал возможности укоротить его поводок. Всякий раз напоминал ему, что ОЭН рядом, смотрит из-за его плеча, готовые попросить об очередной услуге. Что ж, теперь оставалось недолго потерпеть.

Глава пятая

Хэйли Вард бросила ключи на кухонный стол, рядом со стопкой бесполезной рекламной почты, венчавшей подборку газетных и журнальных вырезок, откуда Хэйли черпала идеи для будущих собственных сюжетов. Вырезки были повсюду: на тумбочке у кровати, доске для заметок, на журнальном столике и холодильнике. Почти все рабочее время, когда она не спала (а это около 20 часов из каждых суток) Хэйли искала материал для первой колонки, хотя лучше чем на третью страницу ни одна ее статья пока рассчитывать не могла.

Здесь невозможно предугадать. Хорошо написанный отчет о следствии по делу мог открыть ей путь в высшие круги и дать работу в какой-нибудь влиятельной газете, например, *New York Times* или *Newsweek*.

На данный момент, ей приходилось направлять свою энергию на то, на что указывал Грэг, ее редактор. А согласно офисной иерархии, это было что-нибудь из раздела «Из жизни знаменитостей», и не стоило даже того чтобы, потом вклеивать в свою коллекцию вырезок. Иногда, конечно, Грэг «кидал ей косточку», но над более мясистыми кусками она работала сама, в свободное время.

На дисплее своего автоответчика Хэйли прочла, что у нее 3 новых общения. Мама умоляла скорее приехать к ней на ужин, сестра Клодетт хотела сходить вместе на последний фильм с Сьюзан Сэрэндон, а старая подруга, еще со времен работы в больнице, делилась парой слухов об общих знакомых.

Хэйли прослушала сообщения и погрузилась в работу.

Запустив ноутбук, она включила телевизор, долистала до CNN и сделала глоток кофе без кофеина, потом переделась в домашнюю одежду – хлопковые спортивные брюки и изрядно заношенную футболку: Хэйли сегодня уже не собиралась выходить.

В ее квартире было тепло, уютно, и повсюду были разные памятные вещицы. Фотографии в милых рамочках, стоящие группками, – здесь семья, друзья, здесь домашние любимцы, а тут фотографии из отпуска – одна поверх другой. Рядом в углу огромная стеклянная ваза, до краев наполненная сувенирными и рекламными спичечными коробками из разных отелей и ресторанов, где Хэйли побывала. На холодильнике – открытки, присланные друзьями из отпуска, дюжина рисунков, сделанных ее племянниками, вырезки – все на забавных сувенирных магнитиках, привезенных ею из аэропортов.

Едва она устроилась в любимом кресле с чашкой кофе и ноутбуком, как раздался звонок в дверь. Она ожидала увидеть кого-нибудь из членов семьи (только они могут прийти, не позвонив предварительно), поэтому Хэйли очень удивилась, увидев в глазок незнакомца. Мужчину около тридцати, с резкими чертами лица и объемистым рыжеватым конвертом в руках.

– Кто там?

– Хэйли Вард?

– Да, это я, – она открыла дверь.

Ей вручили конверт. На нем была наклейка с ее точными именем и адресом, но больше не было ничего. Ни обратного адреса, ни марок оплаты, ни указаний отправителя, ни номера посылки.

– Эй! – крикнула она, хотя мужчина уже направлялся в сторону парковки и спустился на целый этаж. – От кого это? Из какой вы службы доставки?

Но он ушел, как будто и не слышал.

Она вернулась в квартиру и осторожно открыла конверт. Внутри была видеокассета и лист с какими-то пояснениями, но без подписи. Там было напечатано следующее:

Дорогая мисс Вард,

В посылке Вы найдете единственную копию записи, сделанной скрытыми камерами на месте убийства министра информации Кубы Х.К. Гирреро, которое произошло в Майами в понедельник. Из полицейского участка в Майами ее забрали для того, чтобы правда об убийстве стала всем известна. Мисс Вард, если бы я не приложил усилий чтобы защитить запись, через несколько часов она бы пропала, была подменена или повреждена.

Убийство Гирреро совершил один из членов ОЭН, Организации Элитных Наемников, их тренировочная база размещена где-то в Колорадо. Эта тайная организация пользуется большой властью в правительстве, имеет значительное влияние в правоохранительных органах, СМИ и т. д. Никому нельзя верить. Они искусно заматают следы.

Эту пленку Вы не должны показывать властям, ни государственным, ни местным, иначе людей, совершивших убийство Гирреро, прикроют, и они продолжат убивать.

Я послал Вам эту пленку, мисс Вард, потому что я следил за тем, как развивалась Ваша карьера, я знаю, что Вам достанет упорства и таланта пролить свет на эту историю, восстановив справедливость, которой она заслуживает, и вскрыть всю правду об ОЭН. Пожалуйста, расценивайте это как подарок.

Хэйли пришлось два раза прочитать записку, чтобы до конца осознать важность материала, попавшего к ней в руки. Во всех новостях этим утром только и говорили что о пропавшей записи, а Хэйли держит ее в руке. Она перевернула кассету, взглянула на наклейку – она, уж точно, оригинальная. Каких только отметок на ней не было – номер улики полицейского отделения Майами, слова «убийство Гирреро», вчерашняя дата.

Она вставила кассету в плеер, в голове ее метались вопросы: кто мог послать кассету? Почему они выбрали именно ее?

Как и у всех ранее виденных Хэйли по ТВ записей с камер слежения, качество оставляло желать лучшего. Картинка была черно-белая, с высокой зернистостью и немного размытая, а звуки слабыми и неразборчивыми. Может быть, пленке не хватало четкости, но значение ее сложно было переоценить.

Камера показывала широкоугольный вид на подземную стоянку, ее главный ряд; и было видно, как все четыре жертвы полегли. Женщину-убийцу большую часть записи было не видно, но когда она была в кадре, все было сумасшедшим образом размыто.

Когда женщина появилась в первый раз, Хэйли увидела только часть головы и спину, когда та, пригнувшись, пересекала парковку. Потом она появилась, когда все уже лежали, и выстрелила в Гирреро с близкого расстояния. Потом она, снова, пригнувшись, подобралась к своему, очевидно, сообщнику, и склонилась над ним, почти с нежностью, – держала его за руку, сказала ему что-то, вот только не разберешь, что именно. Когда он откинулся и замер, она взяла у него какие-то вещи, и быстро исчезла снова, как только приехал джип. И, наконец, она появляется в последний раз – крадется к выходу так же, как пришла. Хэйли так и не разглядела толком лицо женщины.

Тот, кто прислал кассету, хотел, чтобы Хэйли написала о людях, обучивших эту женщину, об Организации Элитных Наемников. Хэйли взяла письмо и, пока запись просматривалась в уже, кажется, десятый раз, прочла еще: *«Эта тайная организация пользуется большой властью в правительстве, имеет значительное влияние в правоохранительных органах, СМИ и т. д. Никому нельзя верить. Они искусно заматают следы».*

Если верить этой записке, утверждающей, что такая организация существует, и способна обратиться из такой переделки при помощи взяток или угроз, если у этой организации свои

люди среди политиков, полиции и кто знает, где еще, то кто-то должен придать все это огласке. Так почему не Хэйли?

Кто бы ни прислал ей эту пленку, это очень хитрый человек, или обладающий огромной властью, или и то, и другое. Она должна была знать информатора, Хэйли не верила в совпадения. Не могли же ее выбрать случайным образом. Если они где-то встречались, что наиболее вероятно, то Хэйли явно удалось произвести на него впечатление. Или на нее.

Но она брала интервью у сотен людей, в том числе знаменитостей, политиков, чиновников исполнительной власти и других высокопоставленных лиц. Она пыталась понять, откуда ее таинственному благожелателю известно об этой организации, и почему же он не дал ей больше информации.

И что делать с пленкой?

Во-первых, нужно было сделать копию. Она вставила пустой DVD в свой двойной проигрыватель, сделала оцифрованную копию. Приклеила ярлычок «Мадонна, специальное интервью телеканалу Эйч-би-оу, 2003», и спрятала диск среди сотен своих музыкальных компактв. Оригинал нужно держать в каком-то более безопасном месте, например, в банковской ячейке. Или, может, дома у Теда – у него в подвале огромный сейф для оружия.

Хэйли решила не говорить никому в *Dispatch* о том, что у нее есть пленка. Помимо того, что она хорошо запомнила предостережение: «*Никому нельзя верить*», она знала, что, подними она на ноги своего босса, он поручил бы работу над публикацией кому-нибудь более опытному, а этого она никак не могла допустить. И что с того, что у нее нет многолетних связей и опыта, которыми располагают другие? Отсутствие всего этого с избытком компенсировалось ее целеустремленностью, трудолюбием и находчивостью.

Поспать ей сегодня не придется, впрочем, в этом не было ничего из ряда вон выходящего.

Во-первых, Интернет. Она не особенно надеялась найти что-либо об ОЭН в Сети, но, по крайней мере, можно было начать с поиска информации о других нераскрытых убийствах знаменитых политических деятелей США и мира.

Хэйли представила себе заголовок на первой странице и звучание новостного выпуска о ней, если только ей удастся справиться с задачей. «Журналистка из Балтимора раскрыла убийство министра культуры и информации Кубы Х.К. Гирреро... во время расследования о секретной школе наемников в Колорадо...»

Четверг

Монти Пирс с нетерпением ждал новых сообщений о происходящем и мерил шагами свой кабинет – от стены до стены вдоль огромного панорамного окна. Внизу ничего не было видно, кроме огней лагеря, а до момента, когда солнце поднимется из-за Скалистых гор, оставалось еще около получаса. Но Пирс не мог спать.

Что знал он, кроме ОЭН? Один из первых выпускников, он вырос в стенах лагеря, наблюдал его рост и процветание. Служба в ОЭН была призванием всей его жизни, и обеспечила ему позицию руководителя организации, наравне с Атэром и Грант, которым основатель ОЭН передал свое детище, когда оставил службу.

Он не мог позволить, чему бы то ни было, подвергнуть опасности будущее лагеря. Но впервые за свою историю над Организацией нависла серьезная угроза. На то, чтобы установить, что случилось с записью убийства Гирреро, потребовалось два дня. И новости были отнюдь неутешительными.

Одному из детективов, работавших над делом, дали десять тысяч долларов, чтобы он подменил кассету на пустышку перед тем, как вечером, по окончании работы, запись должны были отнести в хранилище. И хотя аноним настоятельно порекомендовал копу этого не делать, тот все же положил на счет своей жены всю сумму разом прямо на следующий день. Именно

из-за этого ОЭН его и выследили. Они получили от него, что хотели, но дальше расследование оперативников не продвинулось.

Пирс посмотрел на лежавшую у него на столе папку с надписью Удар/Хэйли Вард. Там было подробное досье на журналистку и цветное фото – копия ее фотографии на водительских правах, выданных в Мэриленде. А еще там была копия записки, которую Хэйли Вард получила вместе с кассетой.

Главной задачей Пирса теперь было установить, кто написал ее. Естественно, этот некто, наделенный большой властью, знающий о существовании ОЭН и желающий ее краха.

А если это кто-то из своих? Атэр или Грант, или кто-то еще из Организации, решивший прикинуть, насколько выгодно вести дела с иностранными правительственными структурами или кем-то еще, чтобы получить неприкосновенность? Господи, только бы это была не Джоан. «Никому нельзя верить», как было в записке. Возможно, хороший совет. Если уж быть честным, то самый лучший. На данный момент Пирс решил не обсуждать происходящее с Атэром и Грант.

Он взглянул на часы. В Балтиморе сейчас восемь утра. Самое время их «проблеме, требующей безотлагательного решения» направляться на работу. И, как только она выйдет из дома, ребята из ОЭН обыщут ее квартиру и установят подслушивающие устройства на телефоне и в комнатах.

Любопытные соседи госпожи Вард ничего не заподозрят: на боку микроавтобуса и спецодежде людей будет логотип фирмы Absolute Renovations, занимающейся ремонтом паркета. К счастью, от их работы ОЭН получит определенную выгоду.

В два часа пополудни Пирсу доложили, что обыск квартиры Хэйли завершен. В ее компьютере нашли файлы, говорящие о том, что она искала информацию об Организации и нераскрытых убийствах политиков. Но команде не удалось отыскать пропавшую запись. Хэйли Вард ничего не выбрасывала – у нее в комнате хранилось столько сентиментальных мелочей, что у оперативников просто не было времени на поиск, если бы они вынимали из футляра каждый диск и проверяли, не записана ли на нем копия с пленки.

Спустя пять часов благодаря жучку, установленному в телефоне Хэйли, Пирс получил полезную информацию. В разговоре с сестрой Хэйли упомянула, что на следующий день собиралась посетить СПИД-центр в Вашингтоне. Там ОЭН могли прикрепить к ней оперативника, и раз ОЭН удалось установить, что Хэйли была лесби, и ей нравились блондинки, Пирс выбрал для этого задания Камею.

Пока он ждал ее приезда для обсуждения задания, Пирс раздумывал о том, что лучше сделать этим вечером.

В СПИД-центр съедутся видные фигуры со всего Вашингтона, многих из которых Пирс знал лично, и он полагал вполне возможным, что Хэйли могла попробовать задать кому-то из них вопросы, связанные с записью. А еще можно было установить, не прибегла ли она к помощи кого-то из своих коллег.

Нет так часто Пирс сам выходил в свет последнее время, но для этого задания *он* подходил идеально. И он предпочел бы вовлечь в обсуждение происходящего как можно меньше людей, раз уж он не уверен, что это не дело рук кого-то из своих. Давно его паранойя так не обострялась.

Итак, Пирсу нужно было два приглашения. Нет, *три*, понял он. И если все пойдет так, как он задумал, ему удастся завершить еще одно важное задание завтра вечером.

Глава шестая

В этот раз проект получился у Домино наиболее вдохновенным – мосты, внезапные обрывы, обтекаемые линии и лестницы – все из костяшек домино. Она всегда строила осторожно, оставляя специальные зазоры, где необходимо, или деревянные подпорки, чтобы вся конструкция не рухнула раньше времени, пока работа не закончена. Иногда она включала цветные доминошки, которые смотрелись более выигрышно, чем обычные игровые с точками, черные, или цвета слоновой кости.

Три дня кропотливого труда, а работа еще не закончена. Многие современные энтузиасты этого дела стремились создать точные копии реальных построек, она предпочитала абстрактные орнаменты – со сложным многоцветным дизайном. Ее работы могли занимать почти все пространство пола в квартире, едва оставляя место, чтобы можно было ходить.

Скрупулезная точность этой работы требовала от Домино все внимание, поэтому, когда ей нужно было освободить голову, приятная рутинная работа с доминошками была желанным выходом. Особенно после того, как ей приходилось «убрать» кого-то, и нужно было вытеснить чем-то воспоминания о крови и смерти.

А еще расслабиться и преодолеть мысли о насилии, с которым была связана ее профессия, Домино помогала любимая музыка. Ее коллекция была огромна – там был и альтернативный рок, и кое-что из инди-лейблов. Этой ночью Pink Floyd «Comfortably Numb» играла так громко, что Домино только на третий раз смогла услышать звонок мобильного.

– Добрый вечер. Ты нужна мне завтра ночью, это благотворительная акция, округ Колумбия, – звонивший не представился, да это и не нужно было. Манти Пирс был в ее жизни всегда, сколько она себя помнила.

– Это по делу? – она вертела в проворных пальцах доминошку, словно факир, упражняющийся с «исчезающей» монеткой.

– Не могу тебе сказать. Выбери что-нибудь нарядное. Это для сбора средств в фонд СПИД-центра. Я заеду за тобой в половине седьмого, – связь оборвалась.

Домино стояла ошеломленная, глядя на свой мобильный. Неожиданное приглашение казалось ей любопытным. Она редко сопровождала Пирса во время обычных выходов в свет.

Пятница

Лимузин одной из последних моделей ожидал Домино. Водитель, темноволосый юноша лет семнадцати, как она полагала, был из нового поколения старшекурсников Организации. Мальчик открыл перед ней дверь, Пирс сидел на заднем сидении, официальный черный галстук был ему к лицу. Рядом с Манти сидела девушка по имени Камея, тоже из ОЭН – привлекательная блондинка, примерно ровесница Домино. Она была очень соблазнительная – красное коктейльное платье с глубоким вырезом и высокие шпильки. И хотя такой поворот событий удивил Домино, она решила этого не показывать, ни выражением лица, ни своим приветствием.

– Добрый вечер, – салютовала она им обоим, занимая свободное место рядом с Пирсом. Ее собственное черное платье было ничуть не менее вызывающим, чем у другой женщины, обе были одеты согласно правилам для женщины-оперативника, которой поручено посетить некое мероприятие с целью добыть информацию или произвести впечатление. Утром ее прямые каштановые волосы, наконец, подравняли, теперь они едва доставали до плеч и были уложены так, чтобы длинные пряди обрамляли ее овальное лицо, разбегаясь от него изящными волнистыми линиями. Макияж ее был подчеркнуто скромным, но элегантным – совсем чуть-

чуть румян, намек на тени с тушью – едва заметно подчеркивал ее серо-голубые глаза, и бронзовая помада с блеском. Все в ее внешнем виде говорило об утонченности вкуса.

– Ты помнишь Камею? – спросил Пирс, когда лимузин отчалил от тротуара и лег на курс.

– Да, конечно. Рада вновь встретиться.

– Взаимно, – ответила блондинка, – давненько не виделись.

Домино ужасно хотелось спросить Пирса, не узнал ли он чего-нибудь нового о судьбе пленки, но было не время для такого вопроса. И, хотя в машине было вполне безопасно, все они знали, что не следует обсуждать с другими оперативниками что-либо, касающееся их заданий – прошлых ли, нынешних, или будущих. Вместо этого она спросила:

– По какому случаю, мы все сегодня собрались?

Пирс выдернул маленькое перышко из отутюженной стрелки брюк и проговорил:

– Камея собралась завязать новое знакомство.

– А зачем позвали меня?

– Ты придешь отдельно, избегая контакта с кем-либо из нас, – ответил он, передавая Домино приглашение в конверте, – поворачайся среди гостей, пока Камея не даст тебе знак. Твоя задача – не вызвать у нее никаких подозрений.

– А если все же...

– Тогда уходи, как можно быстрее, и свяжись со мной, когда будешь в безопасности, – ответил он, – Камея представится как Мишель, а ты воспользуешься именем Дженнифер.

– Ясно.

Атмосфера важного события, имевшего место в Вашингтонском Хилтоне, вполне соответствовала сбору щедрых пожертвований в пользу серьезной благотворительной организации. Столы были покрыты белыми накрахмаленными скатертями, бокалы для вина были из тончайшего хрусталя, а изысканный ужин из пяти блюд был приготовлен под руководством одного из лучших поваров города.

Но среди посетителей было совсем немного бизнесменов-толстосумов, которые обычно преобладают на столичных благотворительных вечерах. Это мероприятие в помощь СПИД-центру всегда собирало разношерстную публику – звезды Голливуда, политики-консерваторы, модные художники, травести в кричащих нарядах, легенды рока, студенты-псевдоинтеллектуалы, именитые врачи, – словом, все, кого только можно себе представить. Их объединял повод, по которому они собрались, и почти на каждом лацкане или воротничке платья виднелась символическая красная ленточка.

– Добрый вечер, могу я взглянуть на Ваше приглашение? – юноша, стоявший при входе, выглядел весьма представительно в своем черном смокинге с кокетливыми розовыми камер-бандом и галстуком, означавшими, что вечер обещает быть оживленным, ярким мероприятием.

Оказавшись внутри, Домино обвела внимательным взглядом весь зал, словно хищник в поисках незащитной жертвы. Хотя по своей сути она была одиночкой, она умела держаться на людях, вести непринужденную беседу и наблюдать. Она взяла бокал вина с подноса одного из официантов, проплывавших тут и там через зал, и направилась к необычного вида мужчине, стоявшему неподалеку, уставившись на свой бокал.

– Интересная публика, не находите?

После короткой поверхностной беседы она направилась к женщине в годах, врачу из Государственного центра санитарно-эпидемического надзора, а от нее – к многообещающему молодому художнику с ирокезом на голове. Она вежливо покивала в ответ на его рассуждения о государственной машине и федеральном финансировании сферы искусств, и вдруг отчетливо почувствовала на себе чей-то взгляд. Через весь зал за ней наблюдала рыжеволосая девушка.

Мило. Это был ее тип – те самые возраст и рост, и соблазнительные округлости, идеально подчеркнутые обтягивающим сиреневым платьем с глубоким вырезом.

Когда их взгляды встретились, рыжая особа улыбнулась, и на ее щеках появились очаровательные ямочки. Домино улыбнулась в ответ. Только она решила подойти к этой женщине и заговорить, – и, может быть, совместить приятное с полезным, – кто-то позвал ее по имени. Ее *реальным* именем. Да еще и достаточно громко.

– Лука! Так это ты?

Она обернулась. Рядом с ней стояла, помощник директора Смитсоновского Музея Искусств, девушка, с которой Домино довелось работать над одним большим реставрационным проектом...уже больше года назад.

– Мадлен. Сколько лет, сколько зим...

– Да, давно это было, – согласилась женщина и тут же кивнула юному художнику-панку в знак того, что узнала его. – Добрый вечер... Ммм, Бернар, так ведь? Я видела вашу выставку в галерее Антона Керна месяц назад. У Вас большое будущее.

Это была фраза, которую Домино очень часто слышала, когда говорилось о художнике, у которого, в действительности, его не было.

– Спасибо, – ухмыльнулся юноша, – некоторые люди не понимают мои работы. Я знаю, они немного потусторо... – он собирался продолжить, но Мадлен перебила его:

– Извините нас, пожалуйста, мне нужно обсудить с Лукой дела, узнать, сможет ли она выкроить время, чтобы сделать для нас кое-какие росписи.

– Да, конечно. Никаких проблем.

Он направился к одному из открытых баров. А Домино пыталась придумать, как ей побыстрее закруглить этот разговор, как вдруг эта симпатичная рыжая нарисовалась прямо у Домино под боком.

– Лука, так ведь? И вы художник?

– Реставратор, – резко ответила за нее Мадлен, явно возмущенная тем, что избавилась от одного конкурента в борьбе за внимание Домино, чтобы приобрести другого. – И вообще-то мы собирались обсудить кое-какие личные дела, – сказала она и улыбнулась, словно это объяснение могло полностью компенсировать ее грубость.

– Мадлен, давай я тебе завтра позвоню, – проговорила Домино, с усилием отрывая взгляд от выреза сиреневого платья, – у меня есть твой номер, так что пусть сегодняшний вечер будет посвящен удовольствиям, а не делам?

– Конечно, будет, – кокетливо ответила рыжая особа, обращаясь только к Домино.

Мадлен нахмурилась, почувствовав себя обойденной.

– Ага. Созвонимся, – сказала она едко, и надула губы, но после такого «намек» никак нельзя было не оставить девушек наедине.

– Лука... Какое необычное имя. А как оно звучит полностью? – снова показались ямочки на щеках, и Домино пришлось напоминать себе, что она здесь на задании, и лучше было бы вернуться к нему немедленно. Но эта женщина была чертовски хороша, даже слишком, чтобы бежать подобру-поздорову выполнять задание. Нужно было взять ее номер, чтобы они могли встретиться потом, выпить, провести вместе хороший вечер... У Домино слишком давно не было свиданий.

– У Вас, похоже, преимущество, – ответила Домино, – ведь я еще не знаю Вашего имени.

– Хэйли, – рыжая бестия протянула руку, – Хэйли Вард.

– Очень приятно, Хэйли. Я бы *ужасно хотела* узнать Вас получше, но, к сожалению, у меня есть неотложные дела сегодня вечером. Мне нужно найти одного человека, – Домино оглянулась в поисках Камеи, но с первого взгляда ее не увидела. Толпа собравшихся делалась все плотнее, и люди еще прибывали.

– Может быть, еще пересечемся?

– Да, это было бы мило. Очень даже, – ответила Хэйли.

Скопление гостей в какой-то момент немного поредело, и Домино, наконец, заметила Камею. Она стояла у стойки бара, одна, и пристально смотрела на них. *Какого черта?* Что ей еще нужно?

– Ладно, в общем, найдешь меня, – сказала Хэйли раздосадовано, а ее пластика говорила о безразличии, в чем Домино усмотрела особую привлекательность.

Я найду тебя. Как только она разберется с тем, что она здесь делает, и как скоро сможет убраться отсюда.

Домино сосредоточилась на наблюдении за Камеей, но эта Хэйли Вард все не шла из головы.

Домино маленькими глоточками пила вино, продвигаясь сквозь толпу, то и дело, останавливаясь, чтобы обменяться с кем-то любезностями, и следила краем глаза за тем, как Камея делала то же самое. Они незаметно продвигались навстречу друг другу.

Хэйли, осталась где-то по правую руку от Домино, разговаривая с каким-то пожилым мужчиной, и делала пометки в блокноте. Пару раз Хэйли перехватила ее взгляд и улыбнулась.

Камея протиснулась между Домино и кем-то еще, и сказала так, чтобы только она услышала:

– Пойду переговорю с подругой, – и, к ужасу Домино, блондинка направилась прямо к Хэйли Вард.

Домино видела, как Камея пожимает Хэйли руку, и буквально, слышала, как «Мишель» называет себя. Теперь Домино не видела никого, кроме двух женщин. Она словно бы не узнавала Хэйли, а ее инстинкты говорили, что у той нет на ее счет никаких подозрений, о которых говорил Пирс.

Они о чем-то щебетали, а Хэйли то и дело поглядывала через плечо Камеи, как будто проверяя, не ушла ли Домино. Когда все прибывающая толпа гостей скрыла девушек от Домино, она подошла ближе, но теперь держалась сбоку, и наблюдала их в профиль. Похоже, Камее удалось заинтересовать Хэйли – рыжая то смеялась над каким-нибудь замечанием, то кивала и улыбалась.

Объявили о начале ужина, Домино подождала, пока эти двое займут места за одним из больших круглых столов, и села напротив них. Если у Хэйли и были какие-то «подозрения», Домино скоро во всем разберется.

На лице Хэйли было написано приятно удивление, а Домино начинала таять от удовольствия, когда рыжая бестия отвернулась от Камеи, на какие-то мгновения, сосредоточив все свое внимание на Луке.

– И снова здравствуй, – сказала Хэйли, улыбнувшись чуть насмешливо. – Рада, что ты смогла к нам присоединиться. Сделала то, что собиралась?

– Да, уже, – проговорила Домино с улыбкой. – Я не успела сказать: мне, кажется, знакомо твое лицо. Мы раньше не встречались?

– Очень вряд ли, – ответила Хэйли. – Я уверена, что запомнила бы.

И вдруг она, словно бы вспомнила о том, что рядом с ней сидела девушка:

– Лука, это Мишель.

Двое оперативников пожали руки, а Хэйли намеренно добавила:

– Мы только что познакомились.

Другие гости стали занимать оставшиеся за столом семь мест, но внимание Хэйли было приковано к Домино:

– А что привело тебя сюда сегодня?

– Хороший повод, кроме того, я знаю некоторых людей здесь. Я обычно не появляюсь на таких больших мероприятиях, но иногда тебя вот так вытаскают, и ты уже сидишь напротив кого-нибудь очаровательного.

Хэйли – на лице ее блуждала довольная улыбка – подалась к ней навстречу через стол, и Домино сделала то же самое, словно желая сократить разделяющее их расстояние.

– Пожалуй, соглашусь с такой оценкой. Так ты реставратор? А с чем ты работаешь?

– Когда как, – сказала Домино, – делаю, что попадется, но чаще всего фрески в церквях и соборах. На самом деле, это моя любимая работа.

Официанты начали сновать, подавая ужин, но это не помешало их разговору. Краем глаза Домино заметила, что Пирс сидел за соседним столом, лицом к ним. Казалось, он увлечен беседой с кем-то, но Домино знала, что он следит за ними неусыпно.

Уже не первый раз за вечер она задавалась вопросом, что же он здесь делает. Он изредка играл какую-либо роль в выполнении задания, но в этот раз его участие казалось необъяснимым, чуть ли не за гранью реальности. Что поручили Камее насчет Хэйли? И почему Пирс не сказал ей, кого они должны встретить?

– Пожалуйста, скажи, что ты в Вашингтоне, потому что живешь здесь, а не просто приехала поесть на мероприятие, – сказала Хэйли между первым блюдом и вторым.

– Да, я живу здесь. Я, кстати, только что вернулась с Мальты, работала там.

– В какой газете ты работаешь? – спросила Камея, чтобы сломать ситуацию, заставляя Хэйли познакомиться с собой поближе.

– «*The Baltimore Dispatch*», – ответила она, больше для Домино, чем для той, что спросила.

– А что ты там делаешь? – спросила Домино.

– Я репортер.

Всплыли в памяти слова Пирса. Домино не могла понять, почему у журналистки могли быть относительно нее какие-то «подозрения»?

– Звучит заманчиво. А над чем ты сейчас работаешь?

– Ну, сейчас над статьей об этом вечере.

– Это многое объясняет, – Домино старалась казаться легкомысленной и кокетливой.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, все, о чем ты спросила, – объяснила она. – Я надеюсь, все эти вопросы были «не для протокола»? Если нет, то вот тебе стоящая цитата...

– О, я вся во внимании, когда у человека есть что-то интересное сказать. Ну, говори!

Домино помолчала недолго.

– Мечта художника – это чтобы вдохновение само на него снисходило.

Периферическим зрением Домино видела, что Камея смотрит на нее волком, основное внимание было направлено на Хэйли. Домино с удовольствием наблюдала, как та смеется над ее замечанием.

– И к тебе всегда вдохновение приходит именно так? – спросила Хэйли с кривой улыбкой.

– Нет, это только в порядке исключения, – ответила Домино. – А где ты берешь вдохновение, Хэйли?

– Всегда и везде, – сказала она, – обычно оно приходит, когда меньше всего ждешь. Ну, вот, например, сегодня вечером...

– Что – «сегодня вечером»? Тебя вдохновило что-то особенное?

– Вот именно, – Хэйли улыбнулась чуть шире, и снова стали заметны прелестные ямочки на щеках.

Пока не последовал очередной вопрос, Камея попыталась встрять в разговор:

– А что ты напишешь о сегодняшнем вечере?

– Ты хочешь сказать, помимо интересной цитаты одного художника?.. – Хэйли с Домино глаз не сводила. – Обычный скучный бред. Сколько было пожертвовано денег, назову спонсоров, VIP-гостей. Конечно, я бы хотела писать о чем-нибудь более «наваристом», какие-нибудь

расследования, или политика, но это обычно уходит к более опытным коллегам. О чем угодно – мне приходится быть предприимчивой.

– А сейчас не работаешь над чем-нибудь в этом роде?

Домино задала бы тот же самый вопрос, если бы незаметный знак со стороны Пирса ее не отвлек. Он встал из-за стола и направился в сторону туалета.

– На самом деле, да. Мне может вот-вот перепасть достаточно крупная работа, – призналась Хэйли, – но пока еще слишком рано говорить.

– Я прошу прощения, – Домино поднялась и последовала за Пирсом. Он ждал ее вне видимости Хэйли.

– Ты ей нравишься. Используй это, – произнес он тихо, когда она была достаточно близко, чтобы расслышать, но он никак внешне не обнаружил, что знает ее, и прошел дальше своим курсом в туалет.

Прежде чем вернуться за стол, Домино подождала пару минут в женской комнате. Пирс скомандовал ей «включить очарование», заставить Хэйли запастись на нее. Домино делала это и раньше, много раз, она была обучена этому в совершенстве, и не нуждалась в пояснениях к таким поручениям. Но это конкретное задание совсем не казалось неприятным.

Официанты убрали посуду после десерта, заиграла музыка, свет был уже приглушен, и несколько парочек направились к танцполу. Камея встала из-за стола, явно намереваясь пригласить Хэйли потанцевать, но, не успела она и рта раскрыть, как Пирс подошел к ней.

– Мишель, это же ты, – воскликнул он, и положил руку ей на талию, – я едва узнал тебя! Сколько воды утекло. Как твой отец? Все еще проводит каждую свободную минуту за игрой в гольф?

– Кого я вижу! Как мы поживаем? – ответила она, и дружески потрепала его за щеку. – Я скажу отцу, что ты интересовался, как он. Знаешь, очень сдал с тех пор, как вышел на пенсию.

– Потанцуешь со мной? – спросил он. – Я постараюсь не наступать тебе на ноги.

– Уж постарайся в этот раз, – бросила она, поворачиваясь к Хэйли и Домино. – Извините, девушки!

И они присоединились к танцующим парам, гомо- и гетеро- вперемешку, бодро дергавшимся под «Crazy Little Thing Called Love» в обработке Майкла Бабла. Домино повернулась к Хэйли.

– Знаешь, что сделало бы этот вечер идеальным?

– Скажи.

– Потанцуй со мной.

– Хм, а я устрою тебе идеальный вечер, – сказала Хэйли игриво. – Тем более что и для меня он тоже будет таким.

Домино встала и протянула руку, Хэйли обошла стол кругом, чтобы положить в нее свою, и, когда они вышли на танцпол, их завертел легкий свинг степ. Они танцевали непринужденно и слаженно, словно уже много раз делали это.

Если бы Пирс и Камея не были так близко! Домино приходилось постоянно напоминать себе, что она здесь по делу, потому что она была совершенно очарована Хэйли. Платье на ней, казалось, одновременно, и было, и не было – в танце оно так облегло грудь и бедра, подчеркивая восхитительные линии. Хэйли танцевала достаточно вызывающие, чтобы не оставалось сомнений, что Домино тоже привлекает ее.

Хэйли то и дело льнула в танце к Домино, и озорно шептала какие-нибудь глупости, отрывки забавных наблюдений за окружающими. Ее горячая грудь касалась Домино, и Хэйли всякий раз дотрагивалась до ее руки, спины или талии – кончики ее пальцев едва намечали очевидный путь, – первые дразнящие прикосновения прелюдии.

Домино улыбалась при мысли о том, как легко ей давалось последнее задание Пирса. Очаровать Хэйли Вард ничего ей не стоило. Когда менялись песни, Домино не предпринимала

попыток покинуть Хэйли или прервать флирт. Она просто ловила новый ритм, и они продолжали.

Пятая песня, конечно же, была медленной, и, как только послышались первые звуки вступления, Хэйли приблизилась к Домино, издав различимый вздох, хотя это и было именно то, чего она хотела. Объятие этой женщины подарило Домино какое-то удивительное несвойственное спокойствие, и на какие-то мгновения она позволила себе забыть о том, зачем она здесь. Она с наслаждением ощущала, как руки Хэйли обвивают ее шею, играют ее волосами, как тесно прижимается к ней женское тело. Что-то во всей ситуации было совершенно особенным. Домино было слишком хорошо, чтобы отдавать себе отчет в том, зачем Пирс взял ее с собой.

– Наверное, нужно пересмотреть ту цитату, которую я тебе приводила, – сказала она нежно, у самого ушка Хэйли. – Мечта художника – держать вдохновение в своих объятиях.

Ее хорошо обучили тому, как пользоваться этими готовыми соблазнительными островами. Но сейчас она чувствовала, что в этом куда меньше искусственного и принужденного. Домино обняла Хэйли за талию, и вспышка сладостной боли пронзила низ живота, когда под кончиками пальцев оказалась атласная кожа обнаженной спины в глубоком вырезе платья Хэйли. Домино была так поглощена ощущениями, что не сразу обратила внимание на то, как Камея положила руку ей на плечо.

– Простите, что помешала, милые дамы, – проговорила Камея с улыбкой, когда Домино и Хэйли немного отстранились друг от друга, соблюдая приличия. – Я только хотела сказать, что было приятно познакомиться с вами, но, к сожалению, я не могу больше оставаться.

Пирс сумел незаметно оказаться в поле зрения Домино за спиной Хэйли, пока Камея и Домино сдержанно прощались. Практически незаметным кивком и наклоном головы он дал ей понять, что Домино отлично справилась, и должна направляться к выходу.

Черт. Камея ушла, а Домино позволила себе понежиться в объятиях Хэйли до конца песни. Ночь заканчивалась слишком рано, но, по крайней мере, Домино предстояло вот-вот узнать, зачем было все это нужно.

Началась новая композиция, и снова медленная, но, как бы Домино ни была очарована любовной игрой, она знала, что ее ждет Пирс. Она ослабила объятия, и Хэйли, выпорхнула из ее рук на танцпол.

– Мне бы больше всего хотелось остаться, Хэйли, но тоже нужно идти. Сегодня еще одна важная встреча, а я уже немного опаздываю.

Личико Хэйли приняло удивленное выражение, сочная нижняя губка чуточку выпячена.

– Ах, как жаль! А ты точно не можешь подкорректировать планы? – она нежно поцеловала Домино в шею и... дерзко прошептала в самое ухо:

– А потом приедешь ко мне? Я сделаю все, чтобы ты об этом не пожалела.

– Как бы мне этого хотелось. И я уверена, что не пожалела бы, – Домино позволила себе загадочную улыбку. – Но это не в моих руках.

Хэйли вздохнула, признавая поражение.

– Ну, тогда хотя бы скажи, что позвонишь мне. Я бы хотела узнать, почему ты предпочитаешь церкви и соборы.

– Какой у тебя номер? – Домино понятия не имела, сможет ли она сдержать обещание – это зависело от Пирса. Но она надеялась, что, чему бы ни служила интрига этого вечера, еще представится возможность связаться с Хэйли.

Хэйли задрала подбородок и выдержала паузу в 64 такта, как будто ожидая, что Домино достанет мобильный, или бумагу и ручку.

– То есть, записывать ты его не собираешься?

– Это и не нужно, – Домино ободряюще ей улыбнулась, и Хэйли продиктовала номер.

А, прежде чем попрощаться, Хэйли взяла Домино за руку, словно это могло гарантировать ей все внимание, и проникновенно сказала:

– Позвони мне.

Домино кивнула:

– Как я могу не позвонить.

Пирс ждал ее снаружи, достаточно далеко, чтобы никто не мог их услышать. Пару шагов прошли в молчании.

– Все прошло хорошо, – сказал он. – Мисс Вард, несомненно, без ума от тебя.

– Похоже на то, – ответила Домино. – Что происходит? Что вообще это было, и где Камея?

– Она ждет в машине. Мисс Вард ни о чем важном не упомянула?

– Смотри, что считать важным. Она сказала, что она журналист, и работенка у нее противная.

– А еще? – продолжал давить он.

– Она сказала, что предпочитает, как она выразилась, «какие-нибудь расследования, или политику». В свободное время она этим и занимается.

– А сейчас что-нибудь расследует?

– Не сказала, – Домино пыталась побороть нетерпение. – Что происходит? Почему все вращается вокруг обычной журналистки? И вообще, ты мог все эти сведения получить и от Камеи. В конце концов, это ее задание. И вообще, почему ты-то здесь?

– Мне недавно сказали, что пленка пропала, – ответил Пирс. – Тот, кто подкупил копа в отделении в Майами, отправил пленку этой не бог весть какой важной репортерше. А я здесь чтобы удостовериться, что задание выполнит правильный человек.

– Пленка у Хэйли Вард? – странное чувство, похожее на тошноту, возникло у нее в животе. – Ясно.

– Да, по подтвержденным данным. Но мы не знаем, почему они выбрали ее.

– А это все – чтобы проверить, узнает ли она во мне женщину с записи, или нет?

– Именно.

– Похоже, нам можно об этом больше не беспокоиться.

С одной стороны, Домино почувствовала облегчение: Хэйли не узнала ее. С другой стороны, Домино чуяла, что Пирс ей что-то недоговаривал.

– Что будет с мисс Вард? Что будет дальше делать Камея?

Она знала и сама, знала лучше, чем, если бы Пирс сказал ей, какое задание дал другому оперативнику. И она ожидала, что он ей так и ответит. Но не выдержала, и все же задала вопрос.

– Ничего. Я отозвал ее с этого задания, – он взял Домино за руку, и подвел к ожидавшему их лимузину, как бы в знак того, что обсуждение окончено.

Но когда они подошли к машине, он взглянул ей в глаза и сказал:

– Хэйли Вард – твоя новая *цель*, Домино.

Ей сделалось совсем погано.

– Тогда с какой стати ты...

– Завтра обсудим все детали, – сказал он, и открыл перед ней дверь, пресекая возражения.

– Я буду дома, ждать дальнейших указаний.

Он сел на заднее сиденье рядом с Камеей, а Домино на какое-то мгновение застыла, глядя на отель позади.

Глава седьмая

Суббота

Хэйли не могла припомнить, чтобы ей так тяжело было сосредоточиться на каком-то сюжете, и не могла припомнить, чтобы в чьей-то компании ей было так хорошо. Она продолжала гипнотизировать мобильный долгим взглядом, изо всех сил желая, чтобы он зазвонил, и проклиная себя за то, что не спросила номер Луки, или хотя бы фамилию.

Конечно, понятие *скоро* совсем не обязательно означало «до десяти часов следующим утром», уговаривала она себя. Тем более что была суббота, и все нормальные люди спали, или поехали за покупками, или прогуливались с собакой в парке. А Лука оставила ее, потому что спешила на другую встречу... или это было свидание?

Хэйли отдавала себе отчет в том, что нетерпение было одним из ее главных недостатков, хотя оно и помогало ей доводить дело до конца, когда она охотилась за сюжетом. Даже если сюжет был тупиковым, как на данный момент этот с пленкой.

Она прокрутила ее бесчисленное число раз, и все не могла понять, что это была за женщина, убившая Гирреро и остальных. И следов этой Организации Элитных Наемников она тоже не могла найти, и все думала, кто мог послать ей записку. Она отрешенно помешивала свой кофе, огорчаясь тем, что у нее не было ничего полезного для сюжета.

LexisNexis, база данных по открытым источникам, судебным делам и новостным сюжетам, уже публиковала краткие введения к статьям, Хэйли надеялась, что и в этот раз тоже. Она искала похожие случаи – другие нераскрытые дела о политических убийствах, заказанных профессионалам – она изучила уже бесчисленное множество вариантов. Пока все сделанные звонки были не более чем тратой времени и денег на междугороднюю связь.

Но рутинное занятие помогало ей не сойти с ума в ожидании звонка от Луки, поэтому Хэйли вернулась к составленному ею же списку нераскрытых дел. Она два часа ковырялась в материалах Associated Press, и, кажется, нашла один перспективный сюжет. Корреспондент AP, написавший около года назад статью о наемных убийцах, которая могла помочь Хэйли, проживал в Сиэтле.

Найдя в Сети его номер, Хэйли взглянула на часы. На Западном побережье семь утра, слишком рано для звонка. Не все могут выживать на трех-четырех часах сна в сутки, как Хэйли. Она решила подождать еще час, а потом набрать ему с домашнего: Хэйли боялась занимать мобильный, ведь она дала номер той загадочной женщине, с которой танцевала вчера.

Утром после мероприятия Пирс позвонил Домино, и она поехала в пригородный Арлингтон, где он жил в небольшом доме на собственной земле. Домино жила в Вашингтоне постоянно, и ей достаточно часто доводилось бывать у Пирса.

– Думаю, мне не стоит и говорить, как непрофессионально вчера все это было, – начала она без преамбулы.

– Во-первых, доброе утро, – спокойно ответил он, указывая на диван. Пирс сменил деловой костюм на широкие брюки и рубашку поло, но параноидальное стремление к секретности его не покинуло. На всех окнах были спущены рольставни, как всегда, когда он разговаривал с оперативником с глазу на глаз, даже в своем кабинете.

– И почему же в этом случае ты не следуешь протоколу? – Домино не была намерена скрывать, что находила ситуацию неприятной.

– Не забывай, с кем разговариваешь, – сказал он, уже с нажимом.

Но Домино стояла на своем.

– Я хорошо знаю, с кем разговариваю. Ты меня туда послал вслепую, а ведь понимал, что она могла узнать меня! Она же, наверное, тысячу раз прокрутила пленку.

– У меня были свои причины передать задание тебе на месте. Ты включилась, зная ровно столько, сколько нужно.

– Монти, я понятия не имела, кого там искать. А теперь она еще и знает мое настоящее имя – меня скомпрометировали, раскрыли. Это переходит все границы. Хоть об этом ты должен помнить.

– Я не рассчитывал, что все так обернется, – сказал он уже более дружелюбным тоном. – Но ее очевидный интерес к тебе поможет ускорить ход операции. Ты ведь понимаешь всю серьезность ситуации, правда?

– Конечно, понимаю. Но какова бы там ни была серьезность, протокол существует не просто так. И ты должен был меня полностью проинструктировать. Дать мне шанс изучить цель. И потом, мы просто потанцевали немного, вот и все. Ты делаешь из мухи слона.

– Поверь мне, я могу отличить обычную болтовню от проявления интереса. Она несет угрозу, Домино, – это самое главное. Это задание, и очень важное, – ты сделаешь все, что только потребуется. Так, перейдем к делу. Операция будет называться «Затмение», кодовое имя мисс Вард – «Удар». Ты должна будешь приблизиться к ней, узнать обо всем, что ей известно – кто послал ей пленку, с кем она уже поделилась информацией.

– Какие у тебя свидетельства ее причастности?

– Не может быть, что ее выбрали случайным образом, – сказал Пирс. – Именно поэтому ты должна добыть недостающие сведения и выяснить, кто еще связан с этим.

Он внимательно наблюдал за ее реакцией.

– И, раз уж тебя разоблачили, если понадобится, ее уберет кто-нибудь другой.

– Когда мне приступить?

– Как можно скорее, – он вынул папку из ящика стола и передал ее Домино. Сел, откинувшись на спинку кресла, и сложил руки на груди. – Это досье на нее. Найди способ связаться с ней. Я уверен, она будет не против. Вот ее номер. Он и в телефонной книге есть, – на случай, если она спросит, где ты его взяла.

– Это не нужно, – произнесла Домино. – Цель сообщила мне номер в личном порядке.

Глава восьмая

Вечер воскресенья

Забыв обо всем, Домино стояла перед огромным панорамным окном в своей квартире. Вид на огни Вашингтона, запах шашлыка, вошедший незванным гостем в комнату через распахнутую балконную дверь. Она думала только о Хэйли. *Так, не Хэйли, а «Удар». Цель. Сконцентрируйся на задании... Ты обязана.*

Но это оказалось сложнее, чем Домино полагала, – после того, как она провела целый вечер очарованная Хэйли, а потом еще несколько часов, изучая и запоминая ее досье.

Домино прошла через всю комнату до дивана и устроилась на мягких подушках. Когда она думала о Хэйли, перед глазами появлялось не фото 4х6, приложенное к досье, а смеющееся лицо, в отблесках свечей. Она видела Хэйли танцующей, флиртующей, помнила этот взгляд, полный нескрываемого интереса, – а никак не плоскую версию двухгодичной давности, фото, где Хэйли позирует без улыбки, для водительских прав, и даже не видны эти ямочки на щеках...

Домино доводилось близко сходить с целью и прежде, и все было неизменно успешно. Но в этот раз что-то было иначе, и не только потому, что Домино оказалась на задании неподготовленной, а потому что Хэйли была совсем другой. Может быть, дело в том, что Домино нравился ее простой подход к жизни, а легкомысленные, невинные манеры Хэйли были так заразительны. Пусть на какие-то мгновения, Домино почувствовала, что это такое – быть беспечной, не заботиться ни о каких последствиях. С Хэйли все было иначе: она давала чувство свободы.

Домино смотрела в ночь. *Такое чувство свободы.*

Знакомое «шых-шых-шых» внезапно привлекло ее внимание, нарастая и приближаясь. Скорее всего, это был вертолет «скорой помощи», или военный. Вскоре он показался на виду – пролетел почти совсем над головой, мигая белыми и красными огнями, и этот знакомый вид и звук унесли Домино в совсем другое место, вернув на три года назад.

Домино бежала, с винтовкой наперевес, через тропический лес в заповеднике Гунун Лёсер на севере Суматры, пытаясь укрыться под завесой густых крон. Ее могли вот-вот догнать в лесу или настигнуть с воздуха. Домино бросилась к высоченному дереву каури, высотой добрую сотню метров, и остановилась, чтобы перевести дыхание. Из-за высокой температуры и влажности ей казалось, что дышит она не воздухом, а водой.

Звук разыскивающего ее вертолета приближался, стрельба возобновилась совсем близко. Надеясь спрятаться в Биджаи, ближайшей деревне, Домино снова побежала, хотя у нее страшно ломило легкие, выразившие таким образом протест прерыванию короткой передышки.

Ей говорили, что операция будет совсем простой. Съезди в Индонезию и уברי Эрика Хадсона, он эксплуатирует бедных и обездоленных. Он обещал им начало новой жизни, переезд в Америку. Но, стоило им сесть на его корабли, он продавал их в рабство, причем женщин и детей – в секс-индустрию. Судьба была милосердна к тем, кто не смог пережить дорогу и лежал сейчас на дне Индийского океана.

И Домино сказали, что его нужно остановить, и что дело это было благородным. Но ей не сказали, что гибель Хадсона перевернет весь криминальный мир Индонезии.

Она должна была войти в личный контакт, представившись покупателем, и узнать, как много еще людей было вовлечено в этот бизнес, а при необходимости, могла попросить подкрепления. И она подобралась близко. Очень близко: она своими глазами видела, как обраща-

лись с несчастными жителями региона. Видела «покупателей», уводивших женщин и детей, стала свидетельницей того, как их жизнь превращалась в ад.

Увиденное придало ей сил. Она вошла в доверие к Хадсону. Он делился с ней информацией, представил ее некоторым другим «ключевым игрокам» – американцам, европейцам, азиатам, – сплошь безжалостным ублюдкам и извращенцам.

Когда узнала все необходимое, она сделала один звонок и попросила подкрепления. Ей было приказано начать с Хадсона, и сделать все так, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Подобраться к нему не составляло труда, она была гостем в его доме, у них были соседние балконы. Однажды ночью она перелезла на его балкон и вошла незаметно в его комнату, пока он спал. Просто ввести достаточно инсулина, чтобы это выглядело как сердечный приступ, – таков был план.

Домино уже сделала смертоносный укол, но ее внезапно застала его индонезийская невольница. Пятнадцатилетняя девочка вышла, в чем мать родила, из ванной, и давай визжать.

Домино зажала девочке рот. Никакого снисхождения, учили ее. Ничто не должно нарушить ход операции. Сверни ей шею. Но Домино не смогла. Не этому ребенку с огромными карими глазами, уже натерпевшемуся всевозможных страданий.

Домино замерла в нерешительности, послышались шаги – кто-то бежал в сторону спальни. Девочка снова заверещала, а Домино побежала к балкону, обратно в свою комнату. Но она знала, что девочка все расскажет. В любую минуту они могли придти к ее двери. В джинсах у нее уже был пистолет. Она немного замешкалась, чтобы успеть собраться с силами, и перемахнула через балкон, опершись одной рукой на перила на уровне талии. Прыгнула с высоты в десять метров, и оказалась во внутреннем дворике.

Это было плохое приземление – Домино попала прямо в бамбуковый стул, и сломала два ребра, а, откатившись, повредила бедро о бордюр.

Она почувствовала, что никаких сил у нее не осталось, от нестерпимой боли хотелось кричать, но перехватило дыхание. Она попыталась встать, хотя бы на колени, держась за бок и сляясь сделать вдох, но слезы покатались у нее из глаз.

От боли Домино ничего не видела и не слышала. Но инстинкт самосохранения заставил ее подняться на ноги и бежать в джунгли.

На нее охотились всю ночь, но она бежала, падая и поднимаясь, вся мокрая от пота, вперед и вперед, в непроглядной темноте, какая бывает только под сенью тропического леса. Иногда она падала, когда боль становилась слишком сильной, и ползла на коленях, шатаясь, понукаемая страхом, требовавшим встать и бежать.

В какой-то момент она остановилась, потому что необходимо было замереть, чтобы отличить звуки погони от какофонии джунглей – криков птиц и постоянных воплей разных других лесных тварей.

Футболка, которая была на Домино в момент бегства, никак не могла защитить от ссадин, поэтому к рассвету лицо и руки, шея и живот были покрыты царапинами, которые ужасно саднили, когда в них попадал пот.

Утром к поиску привлекли вертолеты. С одного из них ее обнаружили, и открыли огонь, как по зверю. Но она все бежала, ныряя при необходимости в импровизированные укрытия, и каждый вдох давался ей с усилием: сломанные ребра ныли, а ноги онемели от боли, отдававшейся в поврежденном бедре.

Она подстерегла одного из своих преследователей и свернула ему шею, забрав его винтовку. По крайней мере, теперь у нее было что-то посерьезнее одного только пистолета.

Наконец, она добралась до Бинджаи. Хадсон забирал из этой деревушки детей, поэтому его здесь знали – боялись и ненавидели.

К тому моменту она едва не теряла сознание, грязная и израненная. Старик с пятилетним внуком согласился помочь Домино, когда узнал, кто за ней гонится.

Он дал ей воду и поделился скудной едой, а потом спрятал в своем сарае, где ютились корова, козы и куры. Домино схоронилась на земляном полу, в сене и навозе, и пролежала, не шевелясь, двое суток, в постоянном страхе, что люди Хадсона прочесывают деревню. Каждое утро старик открывал дверь, чтобы выпустить скотину, и каждый вечер загонял обратно, но Домино уговорила его никоим образом не выдавать ее присутствия.

На третий день она вышла из зловонного хлева, оделась в вещи, позаимствованные из гардероба ее благодетеля, и направилась в Медан, выдавая себя за местную. Пару раз Домино подвозили фермеры на пикапах.

В Медане она постучала в первый попавшийся дом. Она объяснила – на голландском и английском, что попала в аварию, впрочем, что она в беде, было видно и так – покалеченная, грязная. Ее впустили и даже оставили одну, чтобы она могла спокойно позвонить в ближайший отель мужу и тот забрал ее.

Пирс поднял трубку, Домино представилась.

– Забронируйте номер. Безналичный расчет.

– Перезвони через пять минут, – ответил он, – я дам знать, где и когда.

Она сказала хозяевам, что мужа не было в номере, но он скоро вернется, и ей нужно будет попробовать еще раз. Когда она позвонила, Пирс сказал ей название отеля, где все уже было подготовлено.

Наконец, у нее была возможность вволю постоять под горячим душем, собраться с мыслями. Она взяла свой подложный паспорт и стала рассматривать фотографию. У личности на ней – короткие очень темные волосы, поэтому Домино послала за парикмахером и заказала обед в номер – первый раз за последние дни она сможет поесть прилично. Пока она обедала, ее длинные светлые волосы постригли и покрасили. И вскоре, если не считать порезов и ссадин на лице и шее, она идеально походила на женщину с фотографии.

Потом был подбор новой одежды, ее Домино тоже предпочла заказать прямо в номер. Теперь она была другим человеком – хотя все еще встревоженная и сверхбдительная, она уже более спокойно воспринимала необходимость выходить на улицу. Она отыскала ближайший таксофон и снова набрала Пирсу.

– Это Домино.

– Цель повержена, – отозвался он, – остальную часть операции провалила. Она остановлена.

– Билет есть?

– Да.

Она повесила трубку и направилась в аэропорт. Прошло около полутора суток, Домино приземлилась в Колорадо. Она пошла напрямик в офис Пирса. Она была готова умолять, чтобы ее отпустили. Она сказала ему, что больше не может делать это, и не хочет такой жизни. Она видела слишком много смертей, несправедливости и зла.

– Я не могу тебя отпустить, – ответил он. – Видишь ли, Домино, жизнь не оставляет вариантов.

Звук автомобильной сирены за окном вернул Домино в реальность. А как же Хэйли, – подумала она, – в случае с Хэйли есть варианты? В ушах зазвенели предостережения Пирса: «Ты должна добыть недостающие сведения и выяснить, кто еще связан с этим... если понадобится, ее уберет кто-нибудь другой»

Домино потянулась за мобильным.

Глава девятая

Хэйли подняла трубку раньше, чем пошел второй гудок, и очень старалась не выдать свое разочарование: звонила ее сестра, Клодетт, а вовсе не Лука. Хэйли, одетая в домашнее, сидела на диване, поджав ноги, и ела мороженое Naagen Dazs «ром-изюм».

– Эй, Хей! – это было любимое приветствие сестры еще с детства. – Что делаешь? Пойдем в киношку?

В отличие от Хэйли, Клодетт вела образ жизни, который называется «мама и домохозяйка», чем приводила отца в восторг, но при этом время от времени нуждалась в «выходе в свет» – посиделках с сестрой.

– Я не могу. Делу время – потехе час. И потом, я жду звонка, – Хэйли потянулась за пультом, поставила на паузу DVD-копию записи убийства.

– Ой, ну, тоже мне новости, – ответила Клодетт весело, делая капризный голос. – Ну, пошли, всего на пару часиков. Телефон с собой возьмешь. Давай, а то я приду и побью тебя.

Хэйли рассмеялась:

– Нет, правда, Клоди, не сегодня. Но на днях, я клянусь.

Но сестра не намерена была сдаваться так легко:

– Ты же знаешь, о чем говорят «делу время потехе час».

– Ну, если это тебя утешит, звонок, которого я жду, как раз по части «потехи», тут уж не беспокойся.

– О, давай-ка рассказывай. Нашла кого-то интересного, да? – наредила Клодетт.

– Да уж, это точно. Художник-реставратор, познакомились вчера на благотворительном вечере СПИД-центра. Умная, красивая, такая лапочка. – Хэйли закрыла глаза, вспоминая, как Лука прижимала ее к себе на танцполе.

– Так почему ты ждешь, пока она позвонит, а не звонишь сама?

– Ну... У меня нет ее номера, понимаешь? – призналась Хэйли.

– Что? – Клодетт рассмеялась ей прямо в ухо. – И ты дала ей уйти, не взяв у нее телефончик? И твои репортерские навыки не помогли ее отыскать? Что-то ты темнишь.

– Она позвонит. А теперь я пойду, хорошо? Нужно чтобы линия не была занята. И обещаю тебе, где-нибудь на следующей неделе пойдем в киношку.

– Ага-ага, все обещания, обещания, – для драматичности Клодетт вздохнула. – Удачи, Хей. Надеюсь, она тебе позвонит. Увидимся.

Когда сестра положила трубку, Хэйли снова стала изучать запись убийства. Она была так поглощена этим занятием, что, когда телефон зазвонил, пропустила целых три гудка.

– Аллю, это Хэйли.

– Привет. Это Лука.

На душе у Хэйли потеплело.

– Какая еще Лука? – спросила она с деланным безразличием.

Смех на том конце провода.

– Нет, ну правда, – сказала Хэйли, – ты ведь мне не сказала свою фамилию.

– Мэдисон. А тебе все еще хочется знать?

– Это ты имеешь в виду мой вопрос про церкви и храмы, да? Видишь, у меня все на корочке записано. Конечно, я хочу знать. Я вся в ожидании со вчерашней ночи, – она говорила в легкомысленной дразнящей манере, но все, что она сказала, было правдой.

Снова смех.

– Журналисты не сидят сложа руки в ожидании, пока им какой-нибудь незнакомец не позвонит.

– Вот здесь ты ошибаешься, – сказала Хэйли. – Если ты журналист, иногда самые важные звонки – это от незнакомцев.

– Ты чем-то занята, я отрываю?

Хэйли вглядывалась в изображение убийцы, делающей второй выстрел в голову Гирреро.

– Нет, совсем нет. На самом деле, ты спасаешь меня от надоедливой блондинки.

– А, так ты не одна?

– Нет, я имела в виду одно сложное задание, – Хэйли выключила телевизор, и переключила все свое внимание на Луку. – Считай, что тебе повезло, что ты не имеешь дела с ними.

– Да, наверное. Художникам-реставраторам нечасто приходится с ними встречаться. Тут, если не боишься высоты, ты на вес золота.

– Ну, так скажи мне, почему церкви и соборы?

– Давай, я тебе за ужином это расскажу?

Хэйли почувствовала, как мурашки приятного возбуждения пробежали по всему телу.

– То есть, ты приглашаешь меня?

– Только если ты согласна, – сказала Лука.

– Тогда, за ужином!

Воскресенье

Сенатор Терренс Барроус взял свой кофе и утренний выпуск Washington Post, и вышел к бассейну, где плескались его сыновья-близнецы, пока жена готовила на завтрак яичницу с беконом.

До выборов оставалось без малого полтора года, но специальная рубрика воскресной газеты уже публиковала сведения о кандидатах и бюджетах их предвыборных кампаний. Ученые мужи предсказывали, что каждому из возможных кандидатов понадобится по пятьсот миллионов долларов, а Терренс располагал лишь частью этой суммы, но вскоре должны были пройти несколько компаний по сбору средств, которые должны будут сделать его более конкурентоспособным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.